

Ф.Шиллер. Вильгельм Телль

Драма.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман Геслер, имперский наместник (ландфохт, фохт) в Швице и в Ури.

Вернер фон Аттинггаузен, владетельный барон.

Ульрих фон Руденц, его племянник.

Вернер Штауффахер |

Конрад Гунн |

Итель Рединг |

Ганс Мауер } поселяне из Швица.

Иорг Гоф |

Ульрих Шмид |

Иост Вайлер |

Вальтер Фюрст |

Вильгельм Телль |

Рёссельман, священник |

Петерман, псаломщик } поселяне из Ури.

Куони, пастух |

Верни, охотник |

Руоди, рыбак |

Арнольд Мельхталь |

Конрад Баумгартен |

Майер Сарнен |

Струт Винкельрид } поселяне из Унтервальдена.

Клаус Флюе |

Буркгарт Бюгель |

Арнольд Сева |

Пфайфер из Люцерна.

Кунц из Герзау.

Енни, мальчик-рыбак.

Зеппи, подпасок.

Гертруда, жена Штауффахера.

Гедвига, жена Телля, дочь Фюрста.

Берта фон Брунек, богатая наследница.

Армгарда |

Мехтгильда |

Эльсбета } крестьянки.

Гильдегарда |

Вальтер |

Вильгельм } сыновья Телля.

Фрисгард |

Лейтхольд } наемные пехотинцы.

Рудольф Гаррас, конюший Геслера.

Иоганн Паррицида, герцог Швабский.

Штюсси, полевой сторож.

Трубач кантона Ури.

Имперский гонец.

Надсмотрщик.

Мастер-каменотес, подмастерья и чернорабочие.

Глашатай.

Братья милосердия.

Рейтары, конная стража ландфохтов Геслера и Ланденберга.

Поселяне и поселянки из лесных кантонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Высокий скалистый берег Озера Четырех Лесных Кантонов, напротив Швица.

Озеро образует бухту. Недалеко от берега стоит хижина. Мальчик-рыбак плывет в челноке. На другой стороне озера видны ярко освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швица. Слева от зрителя вырисовываются сквозь облака острые зубцы Гакена; справа, в глубине сцены, виднеются снежные горы. Еще до поднятия занавеса слышны звуки швейцарской пастушеской песни и мелодичный перезвон колокольчиков, который продолжается некоторое время и после поднятия занавеса.

М а л ь ч и к - р ы б а к (поет в челноке; напев швейцарской пастушеской песни)

На озеро манит купанья услада,
Уснувшего отрока нежит прохлада.
И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски-нежною
Песней пленен.
Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пеняются волны.
И вкрадчивый голос
Влечет за собой:
«Бросайся в пучину,
Будь вечно со мной».

П а с т у х (на горé; вариация того же напева)

Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!
Пора нам в долины... Увидимся снова,
Когда все очнется от сна ледяного
И голос кукушки в лесу зазвучит,
Цветы запестреют, родник зажурчит.
Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

А л ь п и с к и й о х о т н и к
(появляется на вершине противоположной скалы; вторая вариация)

Гремит и грохочет лавина в горах,
Стрелок не робеет на скользких тропах:
Он дерзко шагает
Средь снега, средь льдов,
Где весен не знают,
Не знают цветов.
Внизу разостлалась туманов гряда,
И гордые тонут под ней города.
И только в минутные
Тучек разрывы
Мелькают зеленые
Рощи и нивы.

Местность принимает другой вид; глухой грохот слышен в горах; тени облаков пробегают по земле.

Руоди, рыбак, выходит из хижины. Верни, охотник, спускается со скалы. Куони, пастух, идет с подойником на плече; Сеппи, подпасок, следует за ним.

Р у о д и

Живей, мой мальчик! Вытащи челнок.
Седой дух бурь идет. Гремит лавина.
Накрылся Митен шапкой облаков,
И холодом пахнуло из ущелий.
Гроза вот-вот над нами разразится.

К у о н и

Да, быть дождю, рыбак. Вон овцы жадно
Едят траву, и роет землю пес.

В е р н и

А рыба так и плещет, и лысуха
Нет-нет нырнет. О, это перед бурей!

К у о н и (подпаску)

Смотри, чтоб скот не разбредался, Сеппи.

С е п п и

Я бурой Лизель слышу колокольчик.

К у о н и

Ну, значит, все. Она идет последней.

Р у о д и

Приятен звук бубенчиков у вас.

В е р н и

И скот хорош!.. А что, земляк, он ваш?

К у о н и

Вот богача нашли!.. Хозяин стада —
Мой господин барон фон Аттингаузен.

Р у о д и

Ах, до чего корову лента красит!

К у о н и

Она горда, что стадо все ведет.
А ленту снять — она и есть не станет.

Р у о д и

Да это вздор! Бессмысленная тварь...

В е р н и

Ну, как сказать! Есть у животных разум.
То видим мы, за сернами охотясь:
Везде, где им пастись ни доведется,
Одна всегда у них настороже;
Чуть подошел — уж подняла тревогу.

Р у о д и (пастуху)

Так вы домой?

К у о н и

На пастбищах нет корму.

В е р н и

Счастливого пути!

К у о н и

И вам того же.
С гор вы не все приходите домой.

Р у о д и

Вон человек бежит к нам что есть мочи.

В е р н и

Из Альцельна он; это Баумгартен.

Конрад Баумгартен вбегает, запыхавшись.

Б а у м г а р т е н

О, ради Бога, перевозчик, лодку!

Р у о д и

Да что ж вы так торопитесь?

Б а у м г а р т е н

Беда! Мне смерть грозит! Скорей перевезите!

К у о н и

В чем дело, друг?

В е р н и

Кто гонится за вами?

Б а у м г а р т е н (рыбаку)

Скорей, скорей, за мною скачут следом!
Ландфохта люди мчатся по пятам,
И если схватят — гибель неизбежна.

Р у о д и

Чего ж за вами мчатся верховые?

Б а у м г а р т е н

Спасите! Я потом все расскажу.

В е р н и

Но вы в крови! Что за беда случилась?

Б а у м г а р т е н

Я коменданта крепости австрийской...

К у о н и

Так Вольфеншиссен гонится за вами?

Б а у м г а р т е н

Нет, он безвреден, — я его убил.

В с е (отшатнувшись)

Зачем вы это сделали? О Боже!

Б а у м г а р т е н

Затем, что я свободный человек!
Я только право отстоял свое —
Жену и дом избавил от позора.

К у о н и

Над честью вашей надругался он?

Б а у м г а р т е н

Я преступленью не дал совершиться,
И сам Господь направил мой топор.

В е р н и

Вы топором его по голове?..

К у о н и

О, расскажите нам, пока рыбак
От берега отвязывает лодку.

Б а у м г а р т е н

Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Моя жена бежит в смертельном страхе.
К нам в дом явился этот Вольфеншиссен.
Он приказал ей баню затопить,
И стал ее любви он домогаться.
Но, вырвавшись, она скорей ко мне!
Тут я бегом домой — и топором
По голове благословил злодея.

В е р н и

Вы правы. Вас никто не обвинит.

К у о н и

Ах, изверг! Поделом ему награда
За весь народ кантона Унтервальден!

Б а у м г а р т е н

Наместник наш послал за мной погоню...
Мне дорог миг... а мы все говорим!..

Слышен гром.

К у о н и

Живей, рыбак, его перевези.

Р у о д и

Нет, поздно ехать. Началась гроза.
Придется переждать.

Б а у м г а р т е н

Великий Боже!
Нельзя мне ждать. Ведь промедленье — гибель...

К у о н и (рыбаку)

Владеет смелым Бог! Твой долг — помочь.
Стрястись беда могла б такая с каждым.

Бушуют волны. Гром.

Р у о д и

Поднялся вихрь, вздымается прибой.
Не справится мне с бурей и волнами.

Б а у м г а р т е н (обнимает его колени)

Господь воздаст вам, сжальтесь надо мною.

В е р н и

Будь милосерден. Жизнь ему спаси!

К у о н и

Семейство у него: жена и дети!

Снова удары грома.

Р у о д и

И мне придется жизнь свою сгубить,
И у меня в доме жена и дети...
Бушуют волны, яростен прибой,
Водоворот до дна взбурлил пучину...
Он честен, смел, я рад его спасти;
Судите сами — это невозможно.

Б а у м г а р т е н (все еще на коленях)

И мне попасть во вражеские руки,
Когда так близок берег избавленья!
Как на ладони он передо мною,
Мой голос долетает до него,
Вот лодка, чтоб меня перевезти,
Но я молю напрасно о спасенье!

К у о н и

Смотрите, кто идет!

В е р н и

Да это Телль!

Входит Телль с луком-самострелом.

Т е л л ь

Кто он такой? О чем его он молит?

К у о н и

Из Альпельна он. Честь свою спасая,
Он в гневе Вольфешписсена убил,
Что возглавлял австрийский замок Росберг.
За ним погоня мчится по пятам.
Он молит рыбака о переправе,
Но тот боится в эту бурю плыть.

Р у о д и

Пред вами Телль; веслом и он владеет.
Телль подтвердит: бессмысленно дерзать!

Т е л л ь

Дерзай, когда опасность за плечами!

Сильные удары грома; на озере волнение.

Р у о д и

Мне ринуться туда, в кромешный ад?
Нет, я еще рассудка не лишился.

Т е л л ь

Будь молодцом, не думай о себе.
Спасай его, перед тобой — гонимый!

Р у о д и

Вы мастера учить на берегу.
Вон озеро, вон лодка — сам попробуй!

Т е л л ь

Скорей пучина сжалится — не фохт.
Берись, гребец!

П а с т у х и и о х о т н и к и

Спаси! Спаси! Спаси!

Р у о д и

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Я не дерзну в день Симона-Иуды...
Ведь озеро сегодня алчет жертв.

Т е л л ь

Пустою речью делу не помочь.
Поторопись, ждет помощи несчастный.
Что ж, лодочник, поедешь?

Р у о д и

Ни за что!

Т е л л ь

Так с нами Бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

К у о н и

Ну и храбрец!

В е р н и

Охотника видать!

Б а у м г а р т е н

От смерти вы меня спасете, Телль!

Т е л л ь

Быть может, я спасу вас от ландфохта.
Обоих нас другой спасет в грозе —
И лучше вам отдаться воле Божьей,
А не людской.
(Пастуху.)

Земляк, утешь жену,
Когда меня удел земной постигнет.
Я делаю, что мне велит мой долг.
(Прыгает в лодку.)

К у о н и (рыбаку)

Вы рулевой на славу. Отчего же,
Где Телль посмел, вы не могли решиться?

Р у о д и

Получше есть, и те бы отступили.
У нас в горах другого Телля нет.

В е р н и (взобравшись на утес)

Отчалил он. Вперед, пловец отважный!..
Смотри, как лодка пляшет по волнам.

К у о н и (на берегу)

Вот за волной пропал из глаз... А вот
Мелькнул опять... О храбрый, как он мощно,
В грозу, ведет весь в брызгах пены челн!

С е п п и

Глядите, скачут конники ландфохта!

К у о н и

И впрямь они! Ну, в пору Телль помог!

Отряд конной стражи имперского наместника Ланденберга.

П е р в ы й р е й т а р

Вы спрятали убийцу. Где он? Живо!

В т о р о й р е й т а р

Он где-то здесь. Не скроете его!

К у о н и и Р у о д и

Кого вам, стражник?

П е р в ы й р е й т а р (заметив челнок)

Черт возьми, да вот он!

В е р н и (сверху)

Не тот ли в челноке, кого вам надо?..
Скачите. Вы настигнете его.

В т о р о й

Проклятие! Он ускользнул.

П е р в ы й (пастуху и рыбаку)

Но вы,
Кто помогал, поплатитесь за это...
Угнать их скот! Сжечь хижину дотла!

Скачут прочь.

С е п п и (бросаясь за ними)

Мои ягнята!

К у о н и (следуя за ним)

О, мои стада!

В е р н и

Вот изверги!

Р у о д и (ломаю руки)

О Боже правосудный!..
Моя отчизна, кто тебя спасет?
(Уходит за ними.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В Штайнене. Кантон Швиц.

Липа перед домом Штауффахера у большой проезжей дороги, подле моста.
Вернер Штауффахер и Пфайфер из Люцерна входят, разговаривая.

П ф а й ф е р

Я повторяю, Вернер Штауффахер:
Не присягайте Австрии. Держитесь
Свободного имперского союза.
И вольность Швица да хранит Господь!
(С чувством пожимает ему руку и хочет уйти.)

Ш т а у ф ф а х е р

Останьтесь же. Вот-вот придет хозяйка...
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

П ф а й ф е р

Спасибо, друг! Мне уходить пора...
До времени снесите ж терпеливо
Надменность ваших фохтов, жадность их.
Быть может, после Альбрехта другой —

Не Габсбург! — избран будет император.
А с Австрией — вы Габсбургов рабы!
(Уходит.)

Штауффахер в задумчивости садится на скамью под липой. В этом положении его застаёт жена его Гертруда. Она останавливается перед ним и некоторое время молча на него смотрит.

Г е р т р у д а

Что мрачен, друг? Не узнаю тебя.
Я день за днем, мой Вернер, наблюдаю,
Как бороздит твой лоб немая скорбь
И гложет сердце тайная забота.
Откройся мне. Как верная жена,
Я разделить твою печаль готова.

Штауффахер молча пожимает ей руку.

Скажи мне, что на сердце у тебя?
Благословен твой труд, все процветает,
Полны амбары, а рогатый скот
И сильные, упитанные кони
Приведены благополучно с гор
На долгое покойное зимовье.
Твой дом, смотри, — как замок, он богат;
Он выстроен из мачтового леса,
Красив и прочен, всем на загляденье.
Приветливо сверкают окна в нем;
Он пестрыми гербами изукрашен
И надписями мудрыми, — и все
Дивятся им, читая мимоходом.

Ш т а у ф ф а х е р

Да, правда, выстроен на славу дом,
Но знай... под ним непрочно основание.

Г е р т р у д а

Скажи, мой Вернер, как тебя понять?

Ш т а у ф ф а х е р

Под этой липой я сидел недавно
И рук своих трудами любовался.
Вот вижу, едет со своим отрядом
Ландфохт наш Геслер. Перед этим домом
Остановился в удивленье он.
Как подобает, я тотчас покорно
Навстречу выступил тому, кто в крае
Блюдет верховный государев суд.
«Чей это дом?» — спросил коварно он;
А сам отлично знал. Я это понял
И отвечал: «Дом этот, ваша милость,
Принадлежит властителю страны
И вам, а мне он в пользование дан».
— «Я императора наместник в крае, —
Сказал он, — и не потерплю, чтоб здесь

Дома крестьянин строил самовольно
И жил свободно, словно господин.
Уж я сумею с вами совладать». —
Сказал — и прочь уехал он надменно,
Меня оставив, полного тревог,
Обдумывать зловещие угрозы.

Г е р т р у д а

Мой милый муж и господин! Услышать
Не хочешь ли жены прямое слово?
Горжусь я тем, что Иберг мой отец, —
Он мудр был, многоопытен. Мы, сестры,
Бывало, ночь за прялкой коротали,
Когда к отцу старейшины народа
Сходились, чтобы грамоты читать
Властителей былых и поразмыслить
О благе родины в беседе мудрой.
С вниманием прислушивалась я
К речам их умным, к добрым пожеланьям
И, как завет, в душе все сберегла.
Ты терпеливо выслушай меня.
Давно я знаю, что тебя гнетет:
Ландфохт нам враг, он сжил бы нас со свету.
Тебя готов он обвинить, что Швиц
Не хочет власти герцогов австрийских,
Но остается верен, как и встарь,
Великому имперскому союзу...
Не так ли, Вернер? Я ведь не ошиблась?

Ш т а у ф ф а х е р

Конечно, Геслер злобится за это.

Г е р т р у д а

Ландфохт тебе завидует, что ты
Свободен, счастлив на своем наследье,
Какого он лишен. Сам император
И государство дали в лен тебе
Дом этот, им гордишься ты по праву,
Как князь имперский землями своими.
Нет над тобой властителя другого —
Лишь высший в целом христианском мире.
А Геслер — самый младший сын в роду,
Плащ рыцаря — вот все, чем он владеет;
И потому на честных поселян
Косится он с язвительною злобой.
Тебя давно он погубить поклялся,
Ты невредим еще, — так неужели
Ты должен ждать коварного удара?
Кто мудр — умеи предвидеть.

Ш т а у ф ф а х е р

Что ж мне делать?

Г е р т р у д а (подходя ближе)

Вот мой тебе совет! У нас, ты знаешь,
Давно в народе ропщут на насилье
Жестокого и жадного ландфохта.
Не сомневайся ж, Вернер, — у соседей,
В кантонах Унтервальдене и в Ури,
Народ устал от тяжкого ярма...
Ведь Ланденберг, как Геслер в нашем Швице,
За озером бесчинствует свирепо...
Любой рыбацкий челн с той стороны
Приходит к нам с вестями о глумленьях
И о злодействах фохтов-чужеземцев.
Я полагаю, было б хорошо
Совет держать вам всем, кто честно мыслят,
Как сбросить этот небывалый гнет.
Убеждена, Господь вас не оставит,
Он в правом деле — щит вам и оплот.
Скажи, нет в Ури друга у тебя,
Которому открыть ты мог бы душу?

Ш т а у ф ф а х е р

Крестьян достойных много там я знаю
И видных, уважаемых дворян.
Друг другу мы взаимно доверяем.
(Встает.)
Жена, каких ужасных мыслей вихрь
Ты подняла в груди моей спокойной!
Тайник души открыла свету дня.
И то, о чем и думать не дерзал я,
Без колебанья высказала ты.
Но взвешен ли, как должно, твой совет?
Ты дикие раздоры, звон мечей
Зовешь на эти мирные долины...
Как! Слабое пастушеское племя
Дерзнет на бой с властителем вселенной?
Предлог им только благовидный нужен,
Чтоб двинуть на злосчастную страну
Наемников неистовые орды.
Знай, правом победителя прикрывшись,
Они, под видом справедливой кары,
Покончат с нашей вольностью старинной.

Г е р т р у д а

И вы — мужи! Так действуйте секирой, —
Отважным помогает сам Господь!

Ш т а у ф ф а х е р

Жена! Неистов, грозен бич войны,
Он смерть сулит и пастуху и стаду.

Г е р т р у д а

Сносить нам должно то, что Бог послал.
В ком честь жива, не вынесет неправды.

Ш т а у ф ф а х е р

Наш новый дом так радует тебя...
Война сожжет его до основанья.

Г е р т р у д а

Есть блага выше дома и двора,
И ради них я сжечь свой кров готова.

Ш т а у ф ф а х е р

Ты веришь в человечность. Но война
Не пощадит младенца в колыбели.

Г е р т р у д а

Невинности защита есть на небе!
Смотри вперед, мой Вернер, не назад!

Ш т а у ф ф а х е р

Мужи падут, за родину сражаясь,
Но, жены, вас какая ждет судьба?

Г е р т р у д а

Последний выбор каждому оставлен:
Прыжок с моста меня освободит!

Ш т а у ф ф а х е р (бросаясь в ее объятия)

Тот, кто обнять такого друга может,
Тот радостно за свой очаг сразится,
Без страха пред войсками королей...
Иду немедля в Ури, у меня
Есть верный друг там, старый Вальтер Фюрст.
Всегда мы сходных мыслей с ним держались.
Вблизи него живет фон Аттингаузен.
Он, правда, знатный рыцарь, но он верен
Народу и обычаям его.
Я с ними посоветуюсь о том,
Как родины врага нам сокрушить...
Прощай, жена! До моего прихода
Тебе одной заботиться о доме.
Паломника к иконе чудотворной,
Монаха, что на церковь собирает,
Ты приюти и щедро им подай.
Наш дом — что чаша полная. Открыто
Здесь, у большой дороги, он стоит
И каждого радушно принимает.

Меж тем как они удаляются в глубину сцены, входят Вильгельм Телль и Баумгартен.

Т е л л ь (Баумгартену)

Теперь я вам не нужен, Баумгартен.
Вон дом стоит. Войдите, там живет
Отец всем угнетенным — Штауффахер...
Да вот и сам он!.. Подойдем к нему.

Идут к нему.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открытое место возле Альторфа. В глубине сцены, на возвышенности, достраивается крепость. Задняя часть ее окончена, переднюю строят.

Высокие леса; по ним вверх и вниз ходят мастеровые. На самом верху, на крыше, сидит кровельщик. Всё в движении, все заняты работой. Надсмотрщик, мастер-каменотес, подмастерья и подручные.

Надсмотрщик (палкой понукает рабочих)

Бездельники, живее! Где известка?
Эй, шевелись! Сюда раствор и камень!
К приходу фохта пусть кипит работа.
Ну, что вы так ползете? Эх, улитки!
(Двум чернорабочим с кладью.)
И это ноша? Вдвое надо класть!
Я вижу, плуты вы и лежебоки!

Первый подмастерье

Глумление над нами — заставляя нас
Своей рукой себе темницу строить!

Надсмотрщик

Так вы ворчать? Бессовестный народ!
Коров доить вам только да лениво
Всю жизнь таскаться по своим горам!

Старик (сажаясь отдохнуть)

Ох, не могу!

Надсмотрщик (трясет его за плечи)

Ну, ну, старик, живее!

Первый подмастерье

Души в вас нет! Он чуть таскает ноги.
Зачем его на подневольный труд
Вы гоните?

Мастер-каменотес и подмастерье

Нет, это нестерпимо!

Надсмотрщик

Не ваше дело! Служба так велит.

Второй подмастерье

А как, смотритель, крепость назовут,
Которую мы строим?

Надсмотрщик

Иго Ури.
Надежно вас согнут таким ярмом.

Подмастерья

Так, Иго Ури!

Надсмотрщик

Что же тут смешного?

Второй подмастерье

Домишком этим нас хотят смирить?

Первый подмастерье

Таких кротовых куч насыпать много
Одну поверх другой придется вам —
И то у нас гора любая выше!

Надсмотрщик уходит в глубину сцены.

Мастер-каменотес

В глубь озера я молоток закину,
Который мне служил в проклятом зданье.

Входит Телль и Штауффахер.

Штауффахер

Вот дожил я, глаза бы не видали!

Телль

Да, тяжело. Пойдемте дальше, Вернер.

Штауффахер

И это — Ури! Это — край свободы!

Мастер-каменотес

О, если бы вам показать подвалы
Под башнями! Кого туда посадят,
Тот не услышит крика петуха.

Штауффахер

О Боже!

Каменотес

А своды в этом замке, а подпоры —
Их строили, как видно, на века!

Т е л л ь

Создание рук всегда разрушат руки.
(Указывая на горы.)
Твердыни гор — вот вольности оплот!

Слышен барабан. Входят люди со шляпой на шесте; за ними следует глашатай.
Женщины и дети толпой вливаются на сцену.

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Бьет барабан! Прислушайтесь!

М а с т е р - к а м е н о т е с

Потеха!
Как в карнавал!.. А шляпа-то зачем?

Г л а ш а т а й

Во имя императора!

П о д м а с т е р ь е

Эй!.. Тише!

Г л а ш а т а й

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На шест высокий в Альторфе наденут
И выставят на видном месте там.
И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается почесть,
Что и ему. Пусть каждый перед нею,
Смирясь, без шапки станет на колени,
Чтоб император знал ему покорных.
Лишится тот имения и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Народ громко смеется. Бьют в барабан, и толпа расходится.

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Еще одна ландфохтова затея!
Фохт поклоняться шляпе нам велит.
Да было ль что подобное на свете?

М а с т е р - к а м е н о т е с

Так нам велят колени гнуть пред шляпой?
Что за игра с почтенными людьми?!

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Куда ни шло — имперская корона!
А то ведь шляпа герцогов австрийских, —
В палате ленной видел я ее.

М а с т е р - к а м е н о т е с

Австрийская она! Смотрите в оба!
Ловушка тут, чтоб Австрии предать нас.

П о д м а с т е р ь я

В ком честь жива, не стерпит поруганья!

М а с т е р - к а м е н о т е с

Пойдем, с другими надо столкнуться.

Уходят в глубину сцены.

Т е л л ь (Штауффахеру)

Я думаю, довольно с вас. Прощайте!

Ш т а у ф ф а х е р

Куда вы, Телль? Зачем вы так спешите?

Т е л л ь

Прощайте! Мне давно пора домой.

Ш т а у ф ф а х е р

Поговорим. На сердце тяжело.

Т е л л ь

Да что слова! От них не станет легче.

Ш т а у ф ф а х е р

Но к подвигам пускай ведут слова.

Т е л л ь

Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом.

Ш т а у ф ф а х е р

Но должно ль то сносить, что нестерпимо?

Т е л л ь

Крутой правитель властвует недолго.
Когда внезапно забушует вихрь,
То гасятся огни, а корабли
Бегут укрыться в гавань, и стихия
Проносится бесследно, без вреда.
Пусть каждый дома, в тишине живет.
Кто любит мир, того оставят в мире.

Ш т а у ф ф а х е р

Вы думаете?

Т е л л ь

Да, змеи не троньте —
И не ужалит. Утомятся сами,
Увидя наших стран невозмутимость.

Ш т а у ф ф а х е р

Мы многого добьемся сообща.

Т е л л ь

В крушенье легче выплыть одному.

Ш т а у ф ф а х е р

Вам дела нет до общей всем беды?

Т е л л ь

Лишь на себя могу я положиться.

Ш т а у ф ф а х е р

Сплотившись, даже слабые могучи.

Т е л л ь

Тот, кто силен, всего сильнее один.

Ш т а у ф ф а х е р

Что ж, родине на вас надежды нет,
Когда придет нужда в самозащите?

Т е л л ь (подает ему руку)

Телья выручит из пропасти ягненка, —
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня совета:
Я не умею помогать словами.
А делом захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Расходятся в разные стороны. Внезапно к лесам сбегается народ.

М а с т е р - к а м е н о т е с (вбегает)

Эй, что там?

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е (вбегает с криком)

Наш кровельщик сейчас свалился с крыши.

Берта со свитой.

Б е р т а (бросается к месту происшествия)

Разбился он? Бежать, спасти, помочь —
Вот золото, спасите, если можно...
(Бросает народу свои драгоценности.)

М а с т е р

Прочь золото, — еще не все продажно!
Отняв отца у кучи ребятишек,
Навек жену и мужа разлучив
Иль на народ обрушивши беду,
Все думаете золотом поправить?
Ступайте прочь! Без вас мы знали радость,
А с вами до отчаянья дошли.

Б е р т а (подошедшему к ней зрителю)

Он жив?

Зритель знаками показывает, что нет.

Злосчастный замок, ты построен
С проклятьями, и ты навеки проклят!
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Вальтера Фюрста.

Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь одновременно входят с разных сторон.

М е л ь х т а л ь

А, Вальтер Фюрст...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нас тут застигнуть могут.
Ни шагу дальше! Тут кругом шпионы.

М е л ь х т а л ь

Все нет из Унтервальдена вестей?
Что мой отец? Не в силах дольше я
Здесь вынужденной праздностью томиться.
Чем провинился я, скажите, Фюрст,
Что, как убийце, надо мне скрываться?
Я негодяю палец перебил:
Ведь по приказу фохта Ланденберга
Он на моих глазах хотел угнать
У нас волов отличнейшую пару.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Вы горячи. Простой слуга ландфохта,
Он от него был послан с порученьем.
Вы провинились, и вам надо было,
Хоть кара и тяжка, ее стерпеть.

М е л ь х т а л ь

И наглецу простить его глумленье?
Ведь он сказал: «И без волов крестьянин,
Запрягшись в плуг, сумеет хлеб добыть!»
Нет, сердце из груди моей рвалось,
Когда волов прекрасных выпряг он.
Мыча, они рогами упирались,
Как будто чувствуя весь этот стыд.
И я, охвачен справедливым гневом,
Чтоб неповадно было, — проучил!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы, старики, едва смирняем сердце,
Где ж юношам обуздывать себя?

М е л ь х т а л ь

Лишь об отце тревожусь я... Опора
Ему нужна, а сын его далеко.
Фохт ненавидит старика: отец
Стоит горой за право и свободу.
Теперь они начнут его теснить,
И некому за старика вступиться...
Нет, будь что будет, я пойду к нему.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да потерпите, Мельхталь! Подождать
Вестей из Унтервальдена вам надо...
Никак стучат?.. Не посланный ли это
От нашего наместника? Легко
Вас Ланденберг и здесь настигнуть может:
Один тиран другому помогает.

М е л ь х т а л ь

Они пример народу подают.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Ступайте! Я вас после позову.

Мельхталь уходит.

Бедняга! Я открыть ему не смею
Моих предчувствий смутных... Кто стучится?..
Чуть скрипнет дверь, уже я жду несчастья.
Предательство, коварство притаились
По всем углам. Подручные ландфохтов
Врываются в дома. Придется нам
Засовы и замки к дверям приделать.
(Отворяет дверь и в изумленье отступает,
увидя входящего Штауффахера.)
Кого я вижу? Вернер Штауффахер!
Гость дорогой!.. Под кровлю моей
Почтенней вас я никого не помню.
Мой друг, добро пожаловать ко мне!
Зачем вы к нам? Что ищите здесь, в Ури?

Ш т а у ф ф а х е р (подает ему руку)

Былое время, родину былую!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Вы их с собой приносите... Как только
Увижу вас — на сердце легче станет.
Садитесь, Вернер. Как здоровье вашей
Супруги, рассудительной Гертруды,
Вполне достойной мудрого отца?
Паломники, что из земли немецкой
В Италию бредут дорогой горной,
Гостеприимный дом ваш очень хвалят...
Скажите, в нашем крае ничего
Особенного вы не замечали,
Пред тем как мой порог переступить?

Ш т а у ф ф а х е р (садится)

Да, здание тут странное возводят,
И вид его не радует меня.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Чуть бросишь взгляд — все сразу ясно станет!

Ш т а у ф ф а х е р

Подобных зданий в Ури не бывало —
Темниц у вас не знали никогда.
Могила лишь была для всех темницей.

В а л ь т е р Ф ю р с т

И эта крепость — вольности могила!

Ш т а у ф ф а х е р

Да, Вальтер Фюрст, скажу вам без утайки:
Я к вам пришел не с праздным любопытством;
Меня гнетут заботы... Я оставил
Гнет позади — и гнет я вижу здесь.
Страдания наши стали нестерпимы,
Но притеснениям не видать конца.
Издrevле был свободен наш народ,
С насилием он свыкнуться не может.
Таких порядков край наш не знавал
С тех пор, как в нем пастух пасет стада.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да, беспримерно их самоуправство!
И даже родовитый Атtingаузен, —
Он помнит стародавние года, —
Сам говорит, что бремя нестерпимо.

Ш т а у ф ф а х е р

А в Унтервальдене тяжелый гнет
Кровавого дождался воздаянья...
Там Вольфеншиссен, в Росберге сидел он,
Хотел вкусить запретного плода:
Он дерзко Баумгартена жену
Задумал обесчестить, но хозяин
Хватил его что силы топором.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так, Божий суд был справедлив над ним!..
Всегда был сдержан Конрад Баумгартен.
Скажите, удалось ему спастись?

Ш т а у ф ф а х е р

Ваш зять его от стражи фохта спас,
А спрятался он под моею кровлей...
Он рассказал еще ужасней случай,
Что в Сарнене произошел недавно.
Ах, ваше сердце кровью обольется!

В а л ь т е р Ф ю р с т (насторожась)

Что ж там случилось?

Ш т а у ф ф а х е р

Там, в селенье Мельхтоль,
Неподалеку от деревни Керне,
Живет правдивый старец Генрих Гальден.
Его советом дорожит округа.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Он всем знаком. Ну, что с ним? Говорите.

Ш т а у ф ф а х е р

Так за проступок сына маловажный
Фохт Ланденбергер выпрячь приказал
У них волов прекраснейшую пару;
А юноша, слугу ударив, скрылся.

В а л ь т е р Ф ю р с т (с величайшим нетерпением)

Но что ж старик?.. Скажите, что с ним стало?

Ш т а у ф ф а х е р

Он Ланденбергом вызван был, и фохт
Велел ему тотчас же выдать сына.
Старик поклялся, не кривя душой,
Что ничего о беглеце не знает.
А тот послал тогда за палачами...

В а л ь т е р Ф ю р с т (вскакивает и хочет
увести его в другую сторону)

Ни слова, тише!

Ш т а у ф ф а х е р (с возрастающей силой)

«Сын твой ускользнул,
Так я ж тебя!» — И кликнул палачей;
И старику они глаза пронзили...

В а л ь т е р Ф ю р с т

О Боже милосердный!

М е л ь х т а л ь (вбегая)

Как — глаза?

Ш т а у ф ф а х е р (с удивлением, Вальтеру Фюрсту)

Кто это, кто?

М е л ь х т а л ь (судорожно хватая его)

Глаза? Да отвечайте ж!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Несчастный!

Ш т а у ф ф а х е р

Да, но кто же он такой?..

Вальтер Фюрст делает ему знаки.

Так это сын? О праведное небо!

М е л ь х т а л ь

А я был далеко!.. Так оба глаза?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Крепитесь же! Беду, как муж, снесите!

М е л ь х т а л ь

И за мою вину! За мой проступок!
Слепой? Он вправду слеп? Впрямь ослеплен?

Ш т а у ф ф а х е р

Я все сказал. Иссяк источник зренья,
Он солнца не увидит никогда.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Щадите скорбь его!

М е л ь х т а л ь

Так... Никогда!

(Закрывает лицо руками и некоторое время молчит; затем, обращаясь то к одному, то к другому, говорит прерывающимся от слез голосом.)

О свет очей, бесценный дар небес!..

Тобою все создания живут...

И каждое счастливое творенье,

Былинка даже, тянется за светом.

А он сидит, все чувствуя, в ночи,

Он вечной тьме отныне обречен...

Его не усладит ни зелень луга,

Ни пламя зорь вверху, на ледниках...

Смерть не страшна... но жить, не видя солнца,

Вот где беда... Зачем вы на меня

Так смотрите? Ах, у меня два глаза,

Но и один я дать отцу бессилён

Иль даже слабый луч от моря света,

Что мне в глаза, слепя, сверкая, льется.

Ш т а у ф ф а х е р

Не исцелить — умножить ваше горе

Придется мне... Нужда его безмерна:

Жестокий фохт все отнял у него.

Один лишь посох он ему оставил,

Чтоб наг и слеп под окнами скитался.

М е л ь х т а л ь

Слепому старику один лишь посох!

Все отнято, и даже солнца луч,

Хоть солнце светит бедным и богатым...

Никто теперь меня здесь не удержит!

Презренный трус — тогда я только думал

Лишь о себе, а про тебя, отец,

Я позабыл. Ах, голову родную

Оставил я у изверга в залог!

Прочь, осторожность робкая... Отныне

О мщении кровавом буду думать.

Пойду... Никто меня здесь не удержит...

Пусть мне ландфохт вернет глаза отца!..

Я отыщу его среди грозной стражи...

Мне жизнь не в жизнь, пока я не смогу

Чудовищное, жгучее страданье

В крови злодея остудить!

(Порывается уйти.)

В а л ь т е р Ф ю р с т

Постойте!

Ну чем же вы ему опасны, Мельхталь?

Он в замке Сарнен, среди отвесных скал,

Лишь поглумится над бессильным гневом.

М е л ь х т а л ь

Живи он в ледяном дворце Шрекгорна
Иль выше, там, где Юнгфрау сидит —
Под снежною фатою дева гор,
Я проложил бы путь к нему. Лишь двадцать
Таких, как я, и мы разрушим крепость.
Но если я останусь одинок,
Вы ж, за стада, за хижины страшась,
Под игом лютым склонитесь покорно,
Тогда в горах я кликну пастухов,
И под лазурным вольным небосводом,
Где чисты сердцем, мужественны духом,
Я расскажу о мерзком злодеянье.

Ш т а у ф ф а х е р (Вальтеру Фюрсту)

Вот до чего дошло! Так ожидать ли,
Пока до крайности...

М е л ь х т а л ь

Какой еще
Бояться крайности, когда самой
Зенице ока гибель угрожает?..
Мы — беззащитны? Для чего ж тогда
Нас тетиву натягивать учили
И тяжкою секирою владеть?
Про час беды орудие защиты
Созданьям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам мощными рогами,
Охотника свергает в бездну серна,
И даже вол, работник безответный,
Который силу страшную свою
Покорно под ярмом смиряет тяжким,
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Будь три страны, — как мы втроем, — в согласье
Мы многое свершили бы тогда.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть Ури кликнет клич — ему на помощь
И Швиц и Унтервальден поспешат.

М е л ь х т а л ь

Немало в Унтервальдене родных
Есть у меня, любой из них пойдет,
Когда в другом почувствует опору...
О мудрые старейшины народа!
Вы видите, я — юноша меж вами,
Мужами многоопытными. Скромно
На сходках общины пока молчу.
Пусть молод я и мало испытал,
Совета моего не презирайте,
Не жажда крови говорит во мне,
Но сила горя лютого — такая,

Что у скалы она исторгнет слезы!
И вы, отцы, и вы, главы семейств,
Достойного себе хотите сына,
Который бы седины ваши чтит
И вас берег бы как зеницу ока.
О, если целы дом ваш и добро
И вас не изувечили — глаза
Еще бодры, и ясны, и подвижны, —
То все же наших не чуждайтесь бед!
Ведь и над вами меч повис тирана,
И вы — враги австрийского господства,
Другой вины старик отец не знал.
Так ждите же за соучастье кары.

Ш т а у ф ф а х е р (Вальтеру Фюрсту)

Решайтесь! Я последую за вами.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Послушаем, что скажут нам дворяне —
Бароны Силенен и Аттингаузен.
Их имена к нам привлекают друзей.

М е л ь х т а л ь

Чьи ж имена у вас в горах почтенней,
Чем ваше, Фюрст, и ваше, Штауффахер?
В такие имена народ наш верит,
И доброй славой он венчает их.
Вы доблестей, завещанных от предков,
Умножили богатое наследье.
Что нам дворяне? Справимся без них!
Будь мы одни в стране, давно б сумели
И без дворян найти себе защиту.

Ш т а у ф ф а х е р

Дворянам наши беды незнакомы:
Поток, теперь бушующий внизу,
Вздываясь будет подниматься выше.
И нам они, я думаю, помогут,
Когда за меч возьмется вся страна.

В а л ь т е р Ф ю р с т

О, если б между Австрией и нами
Посредник сильный, справедливый был!
Но нас гнетет и судит император —
Наследственный австрийский государь.
Бог да поможет нам в самозащите!
Вербуйте в Швице, я вербую в Ури.
Но вот кого б отправить в Унтервальден?

М е л ь х т а л ь

Меня... мне это дело ближе всех.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Я не согласен. Вас я не пущу:
За безопасность гостя я в ответе!

М е л ь х т а л ь

Все тайные тропинки, все дороги
В горах я знаю... А мои друзья
И приютят и от врага укроют.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть с Богом он идет в свой Унтервальден!
Предать его там некому... Тираны
Послушных слуг себе там не находят.
И Баумгартен следом пусть идет, —
Вдвоем они весь этот край поднимут.

М е л ь х т а л ь

Но как затем подать друг другу весть,
Что бдительность усыплена тиранов?

Ш т а у ф ф а х е р

Собраться можно в Бруннене или в Трейбе,
Где пристают с товарами суда.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, так открыто действовать нельзя...
Послушайте: от озера налево,
Как ехать в Бруннен, против Митенштейна,
Есть в чаще леса светлая поляна,
Что издавна в горах зовется Рютли.
Там некогда был выкорчеван лес.
На этом месте сходятся границы
(Мельхталю)
Моей и вашей стран. Недолог путь
(Штауффахеру)
Туда из Швица в легком челноке.
Ночной порой пустынными тропами
Сойдемся мы туда на наш совет.
И пусть по десяти мужей надежных,
Единодушных каждый приведет.
Там наши беды вместе мы обсудим,
Что делать, с Божьей помощью решим.

Ш т а у ф ф а х е р

Да будет так, друзья. Теперь подайте
Мне ваши руки честные. Как мы,
Три мужа, тут сплотились непритворно,
Так да сплотятся крепко воедино —
И для отпора и для обороны,
На жизнь и смерть! — и наши три страны.

В а л ь т е р Ф ю р с т и М е л ь х т а л ь

На жизнь и смерть!

Все трое, подав друг другу руки, некоторое время молчат.

М е л ь х т а л ь

Слепой старик отец!
Ты не увидишь дня освобожденья,
Но ты его услышишь! Выси гор
Сигнальными огнями запылают;
Падут тиранов дерзкие твердыни,
И к хижине твоей, страны святыне,
Из городов придут и деревень,
И в тьме очей займетсЯ яркий день.

Расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Замок барона Аттингаузена.

Готический зал, украшенный гербовыми щитами и шлемами. Барон, старик восьмидесяти пяти лет, высокого роста и благородной осанки, одетый в меховой камзол, стоит, опираясь на посох с рогом серны вместо набалдашника. Куони и шесть работников, с граблями и косами, окружили его.
Ульрих фон Руденц входит в рыцарской одежде.

Р у д е н ц

Вы звали, дядя... Что же вам угодно?

А т т и н г а у з е н

По древнему обычаю, сперва
С работниками чашу разопьем.
(Пьет из кубка и передает его вкруговую.)
Бывало, с ними я в лесу и в поле
И взглядом их усердье поощрял
Иль в битву вел под стягом боевым;
А нынче я в дворецкие лишь годеи,
И если солнце в замок не заглянет,
То мне за ним невмочь подняться в горы.
И все тесней, теснее жизни круг,
Все ближе самый тесный круг, последний,
Где жизнь замрет навек... Сейчас я — тень,
Недолго ждать — останется лишь имя.

К у о н и (передавая Руденцу кубок)

Желаю здравствовать!
(Видя, что Руденц колеблется,
братъ ему кубок или нет, продолжает.)
И пусть у нас
Одно вино — одно и сердце будет.

А т т и н г а у з е н

Ступайте, дети... На заре вечерней
Дела родного края мы обсудим.

Работники уходят.

Аттингаузен и Руденц.

А т т и н г а у з е н

Я вижу, ты в дорогу снаряжился.
Ты в замок Альторф снова едешь, Руденц?

Р у д е н ц
И дольше медлить, право, не могу...

А т т и н г а у з е н (сядась)

Но так ли это к спеху? Неужели
Так скупю юности отмерен срок,
Что не найдешь для старика минуты?

Р у д е н ц

К чему? Я вам давно не нужен, дядя.
Я в этом доме как чужой живу.

А т т и н г а у з е н (пристально смотрит на него)

И жаль, что это правда. К сожаленью,
Чужбиной стала родина тебе...
О, я тебя не узнаю, мой Ульрих!
В шелку блистаешь, горд пером павлиньим,
Австрийский плащ пурпурный на плече...
И смотришь на крестьянина с презреньем —
Не мил тебе его привет радушный.

Р у д е н ц

Почет ему охотно воздаю,
Но прав своих ему не уступаю.

А т т и н г а у з е н

У Габсбурга в опале вся страна...
Сердца всех честных граждан скорби полны
От тирании... Одного тебя
Не трогает всеобщая печаль...
Отступником тебя считают, ты
На сторону врага страны предался,
Глумишься над народною бедой.
За легкими утехами в погоне,
Благоволенья Габсбургов ты ищешь,
А лютей бич отечество терзает.

Р у д е н ц

Страна угнетена... Но почему же?
Кто вверг ее в подобную беду?
Ведь только слово стоит произнести —
И гнета тяжкого как не бывало
И милостив к нам снова император.
О, горе тем, кто ослепил народ,
Чтоб он не видел истинного блага!
Да, все они из выгоды своей
Противятся, чтоб три лесных кантона,
Как прочие, австрийцам присягнули.
Ведь им приятно на скамьях господских
С дворянами сидеть. А император
Как призрачная власть желанен им.

А т т и н г а у з е н

И это, Ульрих, от тебя я слышу?

Р у д е н ц

Вы бросили мне вызов — дайте кончить!..
Какую вы себе избрали роль?
Неужто гордости хватает только —
Старейшиной, владетельным бароном
Здесь править с пастухами наравне?
Да разве дворянину не почетней
На верность Габсбургам присягу дать
И в лагерь их блестящий перейти?
Ну что за честь быть со слугою равным
И с селянином заседать в суде?

А т т и н г а у з е н

Ах, Ульрих! Голос узнаю соблазна.
Твой жадный слух легко он обольстил
И сердце напоил отравой сладкой.

Р у д е н ц

Я не скрываю — глубоко в душе
Отозвались насмешки чужеземцев,
Мужицкой знатью обозвавших нас...
Мне тяжело, что сверстники мои
Уже на поле брани отличились,
Избрав знамена Габсбургов, а я
В досуге или в низменных заботах
Лишь по-пустому время убиваю...
Там подвиги свершаются, туда
Меня зовет блистательный мир славы,
А здесь — мои проржавели доспехи.
Ни звук задорный боевой трубы,
Ни зов герольда на турнир блестящий
В долины эти к нам не проникают.
Я слышу здесь одни пастушьи песни
Да колокольчиков унылый звон.

А т т и н г а у з е н

Как ослепил тебя мишурный блеск!..

Что ж, презирай отчизну! И стыдись
Обычаев ее, священных, древних!
Твой час придет, и ты к родным горам
Стремиться будешь с горькими слезами.
А тот простой пастушеский напев,
Которым ты пренебрегаешь гордо,
Заставит сердце изойти тоской,
Когда его в чужой земле услышишь.
О, как могуча к родине любовь!
Не для тебя тот мир, чужой и лживый.
При гордом императорском дворе
Жить нелегко с душой прямой, открытой.
Там доблести нужны совсем другие,
Не те, что ты здесь приобрел в горах...
Ступай же и продай свою свободу,
Лен получи, стань герцогским рабом,
Когда себе сам господин и князь
Ты на земле наследственной, свободной.
Но нет, останься, Ули, со своими!
Не ездь в Альторф... О, не покидай
Святого дела родины своей!
Ты знаешь, я в моем роду последний, —
Мое угаснет имя, и в могилу
Положите вы мне мой щит и шлем.
Так неужели при последнем вздохе
Я думать должен, что, закрыв глаза мне,
Ты к чужеземцам явишься и там
Свободные, дарованные Богом
Владения как лен австрийский примешь?

Р у д е н ц

Мы Габсбургу противимся напрасно:
Ему весь мир подвластен. Неужели
Одни, с упорством нашим закоснелым,
Мы цепь земель сумеем разорвать,
Которой он, могучий, окружил нас?
Его здесь рынки и суды, его
Торговые пути, — с коня под вьюком
И то на Сен-Готарде платят сбор.
Владеньями его мы, будто сетью,
Окружены, опутаны повсюду...
Защита ли империя для нас?
Вы думаете, Австрия слабей?
Бог — наш оплот, не император. Верить
Возможно ль императору, когда,
В деньгах нуждаясь, чтоб вести войну,
Он города стал отдавать в залог,
Что добровольно стали под защиту
Имперского орла?.. Нет, мудрость нам
Велит во времена тяжелых смут
Найти себе могучего владыку.
Имперская корона переходит
По выборам, и памяти у ней
О службе верной нет. Зато услуги
Наследственному дому — сев надежный.

А т т и н г а у з е н

Так, значит, ты куда умней отцов,
Свободы самоцвет неоценимый
Добывших кровью, доблестью героической?..
Ты в Люцерн съезди, там спроси народ,
Как этот край австрийцы угнетают!
Что ж, и у нас они овец, коров
Пересчитают, пастбища обмерят,
В лесах свободных запретят охоту
На зверя красного и на пернатых,
Заставами нам преградят мосты.
Нас разорив, поместий нахватают
И нашей кровью будут побеждать...
Нет, если кровь свою придется лить,
То лучше за себя: свобода нам
Куда дешевле рабства обойдется.

Р у д е н ц

Мощь Альбрехта не сломят пастухи!

А т т и н г а у з е н

Сперва узнай, какие пастухи!
Я знаю их, я вел их на врага.
Я вместе с ними дрался под Фаэнцой.
Пусть нам посмеют иго навязать,
Когда его нести мы не хотим!..
Будь горд сознаньем, чей ты соплеменник!
Не променяй на жалкий блеск пустой
Ты неподдельный жемчуг высшей чести —
Стать во главе свободного народа!
Он за тобой, как твой соратник верный,
В час испытаний в смертный бой пойдет...
Вот чем гордись, знай: в этом благородство.
Скрепляй природой созданные узы,
Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих таится,
А на чужбине будешь одинок —
Сухой тростник, что свежий ветер сломит.
Давно тебя мы дома не видали,
Один лишь день ты с нами проведи,
Сегодня лишь не ездь в Альторф, Ули.
Сегодня, слышишь? Этот день — для близких!
(Хватает его руку.)

Р у д е н ц

Я слово дал... Я связан... Не могу.

А т т и н г а у з е н (оставляя его руку, строго)

Ты связан... Да, злосчастный, это верно.
Ты связан, но не словом и не клятвой,
А узами любви... Мне все известно.

Руденц отворачивается.

Я вижу, ты смущен, ты отвернулся.
Ты Бертою фон Брунек увлечен,
Она тебя к австрийской службе манит.
Невесту хочешь ты добыть ценой
Измены родине... Не прогадай!
Они тебя невестой приманили;
Не будь так прост, она не для тебя.

Р у д е н ц

Прощайте! Хватит этих наставлений!
(Уходит.)

А т т и н г а у з е н

Да погоди, безумец!.. Нет, ушел!
И я не в силах удержать, спасти...
Так Вольфеншиссен некогда отпал
От родины... Так отпадут другие.
Манят за наши горы молодежь
Чужой страны могучие соблазны...
О злополучный час, когда чужое
Проникло в безмятежные долины,
Чтоб нравы тут невинные растлить!..
К нам новое врывается насильно,
А старое, достойное, уходит.
И времена и люди уж не те!
Зачем я здесь? Давно погребены
Все, с кем я вместе действовал и жил.
Мой век ушел в могилу. Счастлив тот,
Кто жить не будет с новым поколеньем!
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Луг, окруженный высокими скалами и лесом.

Со скал ведут тропинки с высеченными в них ступенями и с перилами. Немного спустя по этим тропинкам начнут сходить вниз поселяне. В глубине сцены озеро, над ним некоторое время видна лунная радуга. Вдали — высокие горы, из-за которых поднимаются еще более высокие снежные вершины. Глубокая ночь. Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной.

Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид, Майер Сарнен, Буркгарт Бюгель, Арнольд Сева,
Клаус Флюе и еще четверо поселян. Все вооружены.

М е л ь х т а л ь (еще за сценой)

Вот горная тропа. Вперед, за мной!
А вон скала с распятым на вершине.
У цели мы. Поляна эта — Рютли.

Входят с факелами.

В и н к е л ь р и д

Прислушайтесь!

С е в а

Все пусто.

М а й е р

Ни души!
Наш Унтервальден всех опередил.

М е л ь х т а л ь

Который час?

Б а у м г а р т е н

Поблизости, в деревне,
Дал сторож криком знать, что два часа.

Издалека доносится звон.

М а й е р

Вы слышите?

Б ю г е л ь

В лесной часовне в Швице
К молитве ранней колокол зовет.

Ф л ю е

Да, воздух чист, и звон далеко слышен.

М е л ь х т а л ь

Пусть кто-нибудь скорей зажжет костер,
Чтоб он пылал, когда друзья сойдутся.

Двое крестьян уходят.

С е в а

Как хороша ночь лунная! Сегодня
Гладь озера, как зеркало, спокойна.

Б ю г е л ь

Им плыть нетрудно будет.

В и н к е л ь р и д (протянув руку в сторону озера)

Посмотрите!
Не видите? Вон там!

М а й е р

Да что ж такое?..
Ах, вижу, вижу! Радуга среди ночи!

М е л ь х т а л ь

Она луной, должно быть, рождена.

Ф л ю е

Вот редкое и чудное явление!
Не всякому дано его увидеть.

С е в а

Над ней другая, только побледнее.

Б а у м г а р т е н

Вон лодка показалась вдалеке.

М е л ь х т а л ь

Плывет в ней Штауффахер с земляками.
Швиц долго ждать себя не заставляет.
(Идет с Баумгартеном к берегу.)

М а й е р

Да вот из Ури никого не видно.

Б ю г е л ь

Им обходить далеко через горы,
Чтобы посты ландфохта обмануть.

Тем временем двое крестьян развели посреди поляны огонь.

М е л ь х т а л ь (с берега)

Эй, кто там? Отвечай!

Ш т а у ф ф а х е р (снизу)

Друзья страны!

Все идут в глубину сцены навстречу прибывшим. Из лодки выходят Штауффахер, Итель Рединг, Ганс Мауер, Иорг Гоф, Конрад Гунн, Ульрих Шмид, Иост Вайлер и еще трое крестьян. Все вооружены.

В с е (громко)

Привет! Привет!

В то время как все остаются в глубине сцены, приветствуя друг друга,
Мельхталь и Штауффахер выходят вперед.

М е л ь х т а л ь

Я видел, Штауффахер,
Того, кто уж не смог меня увидеть;
Его глазниц коснулся я рукой
И чувство жгучей мести почерпнул
В потухших солнцах старческого взгляда.

Ш т а у ф ф а х е р

Ни слова мне о мести! Мы не мстить,
Но злу должны достойный дать отпор.
Вы были в Унтервальдене. Что там
Предпринято для общего нам дела?
Какие мысли у крестьян? Легко ль вам
Сетей измены удалось избегнуть?

М е л ь х т а л ь

Через вершины грозные Суренна,
По ледяным полям, бескрайным, голым,
Где раздается хриплый крик орла,
Я к пастбищу альпийскому спустился, —
Там пастухи из двух соседних общин
Пасут свои стада, перекликаясь.
Я жажду утолял тем молоком,
Что, пенясь, льется из-под ледников.
Я в хижинах пастушеских пустых
Был сам себе хозяином и гостем,
Пока людских селений не достиг...
В долинах всем уже известно стало
О новом небывалом злодеянье,
И стоило мне только постучаться,
Меня с почетом всюду принимали.
Возмущены простые люди эти
Все новыми бесчинствами ландфохтов.
Как на лугах альпийских год за годом
Растут все те же травы, как потоки
По старым руслам движутся в том крае,
Как в небе облака и даже ветры
Извечным следуют путям, так точно
Обычаи старинные от деда
Без измененья к внуку переходят, —
Там пастухи враждебны новизне,
Грозящей их привычной, ровной жизни...
Они мне руку крепко пожимали,
Со стен срывали ржавые мечи,
И в их глазах сверкал огонь отваги,
Когда я Штауффахера и Фюрста
Назвал всем дорогие имена...
Они клялись быть с вами заодно,
На смерть они клялись пойти за вами...
Так я, храним священным правом гостя,
Спешил от одного двора к другому
И, наконец, родимый край увидел,
Где у меня немало есть своих...
Нашел слепого старика отца.
Он на чужой соломе спал, а жил
Тем, что дадут из милости...

Ш т а у ф ф а х е р

О Боже!

М е л ь х т а л ь

Но я не плакал, нет! В слезах бессильных
Скорбь жгучую не стал я изливать.
Я заключил ее, как драгоценность,
В своей душе и думал лишь о деле.
Я побывал во всех ущельях гор,
Я обошел укромные долины,
И даже у подошвы ледников
Я хижины жилые находил.
И всюду, где пришлось мне побывать,
Везде встречал я ненависть к тиранам.
Ведь даже там, у крайнего предела
Живой природы, где уже земля
Перестает родить, ландфохты грабят...
Я возбудил сердца всех честных граждан
Горячей речью, жалом слов моих,
И наш теперь народ душой и телом.

Ш т а у ф ф а х е р

В короткий срок вы многого добились.

М е л ь х т а л ь

Я сделал больше. наших поселян
Страшат два замка: Росбергский и Сарнен.
За их стенами каменными враг
Скрывается, вредя стране оттуда.
Мне вздумалось разведку предпринять, —
И в Сарнен я проник и видел замок.

Ш т а у ф ф а х е р

Дерзнули вы войти в пещеру тигра?

М е л ь х т а л ь

В одежде пилигрима я прошел
И видел Ланденберга за пирушкой...
Судите же, как я собой владею:
Я увидел врага — и не убил.

Ш т а у ф ф а х е р

Отважны вы, да вам и повезло.

Тем временем остальные крестьяне выходят вперед, приближаясь к обоим.

Теперь скажите мне, кто те друзья,
Которые явились вместе с вами?
Вы познакомьте нас, и мы откроем
Доверчиво свои сердца друг другу.

М а й е р

В любой из трех земель кто вас не знает?
Я — Майер, житель Сарнена. Вот этот —
Племянник мой из Винкельрида, Струт.

Ш т а у ф ф а х е р

Всё имена известные в горах.
Один из Винкельридов победил
Дракона в Вайлерском болоте; сам
В той схватке пал он.

В и н к е л ь р и д

То был предок мой.

М е л ь х т а л ь (указывая на двух крестьян)

Те двое — монастырские крестьяне.
Я знаю, вы от них не отвернетесь,
Хоть это крепостные, не как мы,
Свободные на собственном наследье.
Народ хороший, преданный отчизне.

Ш т а у ф ф а х е р (обоим)

Подайте ваши руки. Счастлив тот,
Кто никому у нас не подневолен.
Но честность красит звание любое.

К о н р а д Г у н н

Вот это Рединг, бывший старшина.

М а й е р

Я с ним знаком. Да, это недруг мой
По старой тяжбе об одном участке.
Мы с Редингом враги перед судом,
Но здесь друзья.
(Жмет ему руку.)

Ш т а у ф ф а х е р

Вот сказано умно!

В и н к е л ь р и д

Идут, идут! Вы слышите рог Ури?

Справа и слева появляются на скалах вооруженные люди с факелами и спускаются вниз.

М а у е р

Смотрите!.. Как! Служитель алтаря,
Священник с ними вместе? Невзирая
На тяготы пути и мрак ночной,
Он, верный пастырь, их сопровождает!

Б а у м г а р т е н

С ним Вальтер Фюрст и клирик Петерман,
Но что-то я среди них не вижу Телля.

Вальтер Фюрст, священник Рёссельман, псаломщик Петерман, пастух Куони, охотник Верни, рыбак Руоди и еще пятеро других поселян. Все собравшиеся, числом тридцать три, выходят вперед и становятся вокруг костра.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Итак, должны мы на земле отцов,
Наследии законном нашем, тайно
Сходиться здесь, как будто для убийства.
И в ночь, которая покров свой темный
Дает лишь преступленьям и делам,
Что солнечного света избегают,
Мы право добываем, хоть оно
И чисто и светло, как день лазурный.

М е л ь х т а л ь

Да будет так! Что мрак ночной прядет,
То радостно на солнце зацветет.

Р ё с с е л ь м а н

Союзники, мне вот что Бог внушает!
Здесь вместо общины мы собрались
И весь народ по праву представляем.
Приступим к совещанью по старинным
Обычаям страны, как в мирный год;
Что незаконного в собранье нашем,
Оправдывает время. Бог везде,
Где право защищают от насилья.
И под его мы небом тут стоим.

Ш т а у ф ф а х е р

Добро! Держать совет, как в старину.
Хоть ночь теперь — сияет наше право!

М е л ь х т а л ь

Пусть нас числом немного — сердце здесь
Всего народа, лучшие тут в сборе.

К о н р а д Г у н н

Хоть древних книг у нас нет под рукой,
Но их слова начертаны в сердцах.

Р ё с с е л ь м а н

Составим круг и посреди него,
Как власти знак, мечи мы водрузим!

М а у е р

Пусть старшина перед мечами встанет,
А по бокам — помощники его.

П е т е р м а н

Здесь три народа. И кому из них
Главой совета подобает быть?

М а й е р

Об этом Ури пусть со Швицем спорят.
Охотно им уступит Унтервальден.

М е л ь х т а л ь

Мы уступаем. Мы пришли молить
Своих друзей могучих о поддержке.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть Ури меч возьмет. В походах славных
Всегда стяг Ури впереди других.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, предоставим Швицу эту честь.
Мы все горды, что род ведем оттуда.

Р ё с с е л ь м а н

Улажу я ваш благородный спор:
В совете — Швиц, в войне пусть правит Ури.

В а л ь т е р Ф ю р с т (подает Штауффахеру мечи)

Возьмите!

Ш т а у ф ф а х е р

Нет, вы старшему отдайте.

И о р г Г о ф

Здесь Ульрих Шмид старейший между всеми.

М а у е р

Он человек достойный. Но судьбою,
Как крепостной, он в Швице быть не может.

Ш т а у ф ф а х е р

Вот Итель Рединг, бывший старшина.
Найдем ли мы достойнее главу?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да будет старшиной, главой совета!
Тот, кто согласен, руку подыми!

Каждый поднимает правую руку.

Р е д и н г (выходит на середину круга)

Священных книг для клятвы с нами нет.
Но звездами предвечными клянусь:
От истины вовек не уклонюсь.

Перед ним вонзают два меча. Все становятся в круг. Швиц занимает середину, правее
располагается Ури, левее — Унтервальден. Рединг стоит, опершись на свой меч.

Что привело три горные народа
Сюда, на берег озера угрюмый,
В глухой полночный час? Скажите мне,
Какая цель у нового союза,
Что мы под звездным небом заключаем?

Ш т а у ф ф а х е р (выходит на середину круга)

Мы тут не новый заключим союз, —
Возобновляем мы союз старинный,
Он предками основан был. О братья!
Нас разделяют озеро и горы,
Раздельное у нас в лесах правление,
Но одного мы корня, кровь одна,
И мы пришельцы из одной отчизны.

В и н к е л ь р и д

Так наши песни память сохранили,
Что мы сюда издалека пришли?
Вы древнюю нам расскажите быль,
И мы скрепим союз наш давней связью.

Ш т а у ф ф а х е р

Средь старых пастухов живет преданье...
Когда-то жил на севере далеком
Большой народ. Голодный год настал,
И община в такой беде решила,
Чтобы из них, по жребию, десятый
Покинул отчий край... И стало так!
И шли они с унынием, в слезах —
Мужчины, женщины — все дальше к югу,
Мечом чрез земли немцев пробиваясь,
До дикого лесистого нагорья.
Но, устали и тут не зная, дальше,
Вплоть до долины дикой, шли они,
Где Муота змеится среди лугов...
Людских следов здесь не было заметно,
Лишь хижина на берегу виднелась
Да лодочник у переправы ждал...
Но озеро ужасно бушевало,
И задержаться им пришлось. Глядят —
И видят, что пустынный край обилен
Отличным лесом, ключевой водою.
Им чудилось, они попали вдруг
В отчизну милую... И тут осели.
И выросло среди гор селенье Швиц.
Здесь тягот много вынести им пришлось
На раскорчевке леса под хлеба...
Потом, когда земли хватать не стало,
То часть народа двинулась на юг —

До Черных гор и дальше, до Вайсланда,
Там, за громадой вечных льдов укрыт,
Живет другой народ, с чужою речью.
Селенье Станц построили в Кернвальде,
Селенье Альторф — у долины Ройс,
Но общность родовую не забыли.
Среди чужих племен, что с той поры
В долинах здешних мирно водворились,
Мы без труда друг друга отличаем:
В нас кровь и сердце знать себя дают.
(Пожимает всем руки.)

М а у е р

Да, сердце в нас одно и кровь одна!

В с е (подавая друг другу руки)

Один народ, и воля в нас едина.

Ш т а у ф ф а х е р

Немало есть народов подъяремных,
Они пред победителем смирились;
Ведь даже в нашей стороне и то
Средь поселенцев много подневольных:
Они — рабы, и дети их — рабы.
Но мы, потомки истинные Швица,
Свою свободу сберегли. Князьям
Вовек не подчинялись. Добровольно
Империю заступницей избрали.

Р ё с с е л ь м а н

Свободно встали под ее защиту.
В том грамоту сам император дал.

Ш т а у ф ф а х е р

Власть признает и тот, кто всех свободней.
Глава быть должен, наш судья верховный,
Для разрешенья всяких тяжб и споров.
И наши предки сами, добровольно,
Землей, отторгнутой у дикой чащи,
Почтили императора, главу
Всех итальянских и германских стран,
И свято обещали, как другие
Свободные империи народы,
Поддержку в войнах. Долг свободных граждан
Державу, свой оплот, оборонять.

М е л ь х т а л ь

Что сверх того, то верный признак рабства.

Ш т а у ф ф а х е р

Когда нас император призывал,
Мы под его знаменами сражались;

В Италию за государем шли,
Чтоб римскою венчать его короной.
Но дома правил только сам народ,
По собственным законам и преданьям;
А император ведал смертной карой,
И для суда он графа назначал, —
Но тот жил вне страны, и призывали
Его лишь в редких случаях убийства.
И под открытым небом просто, ясно
Граф изрекал свой беспристрастный суд.
Где в этом всем хотя б намек на рабство?
Кто думает иначе — говори!

Г о ф

Нет, все так шло, как рассказали вы.
Доныне мы насилия не знали.

Ш т а у ф ф а х е р

Мы раз не подчинились государю,
Когда он принял сторону попов.
Ведь монастырь Айнзидельн захотел
Отнять у нас урочище, где мы
От дедовских времен пасли стада.
Аббат представил грамоту — по ней
Земля к монастырю переходила,
Как будто нас там вовсе не бывало...
Но мы сказали твердо: «Император
Дарить не вправе земли поселян...
А коль в правах империя откажет,
И без нее мы проживем в горах...»
Вот предков был язык! Неужто нам
Позором ига тяжкого покрыться
И от слуги чужого то сносить,
К чему не мог принудить император?..
Мы эту землю заново создали
Трудами наших рук и лес дремучий,
Служивший диким логовом медведям,
В жилище человека превратили.
Мы извели раздувшихся от яда
Драконов злых, исчадия болот;
Мы вечную тумана пелену
Над этой дикой глушью разорвали;
С пути убрали скалы и отважно
Над бездной перекинули мосты.
Наш этот край, мы им века владели.
И чтоб чужой слуга явился к нам
И цепи нам осмелился ковать?
И нас позорил на родной земле?
Да разве нет защиты против гнета?

Сильное волнение среди крестьян.

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко поправаны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно взывает угнетенный.
Там подтвержденье прав находит он,

Что, неотъемлемы и нерушимы,
Как звезды, человечеству сияют.
Вернется вновь та давняя пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
Мы блага высшие имеем право
Оборонять. За родину стоим,
Стоим за наших жен и за детей!

В с е (звонят мечами)

Стоим за наших жен и за детей!

Р ё с с е л ь м а н (выходит на середину круга)

Но прежде чем хвататься за мечи,
Подумайте, нельзя ль договориться?
Одно лишь ваше слово — и тираны
Не притеснять, потворствовать вам будут.
С империей, как вам велят, порвите,
Власть Австрии признайте над собой...

М а у е р

Что он сказал? Австрийцам присягнуть!

Б ю г е л ь

Не слушайте его!

В и н к е л ь р и д

Предатель он,
Отчизне нашей враг!

Р е д и н г

Друзья, спокойно!

С е в а

Какой позор — австрийцам присягнуть!

Ф л ю е

Позволить силой взять, чего добром
Отдать им не хотели!

М а й е р

О, тогда
Рабы мы все — и рабство заслужили!

М а у е р

Пусть будет прав швейцарца тот лишен,
Кто Австрии поддаться нам предложит!
Я твердо, старшина, стою на том,

Чтоб это первым стало здесь законом.

М е л ь х т а л ь

Да, кто предаться Австрии предложит,
Пушай лишится почестей и прав
И пусть никто не даст ему приюта.

В с е (поднимая правую руку)

Принять такой закон!

Р е д и н г (помолчав)

Да будет так!

Р ё с с е л ь м а н

Свободны вы, приняв такой закон.
И Австрия насильем не добьется
Того, что мы добром ей не отдали...

И о с т В а й л е р

Приступим к делу, далее!

Р е д и н г

Друзья!

А до конца ль изведан мирный путь?
Быть может, Альбрехт Габсбург и не знает,
Что здесь его наместники творят?
Испробуем последнее: к монарху
Мы с жалобой еще раз обратимся.
Когда ж откажет — взяться за мечи.
Страшит насилье даже в правом деле.
Поможет Бог, где люди не помогут.

Ш т а у ф ф а х е р (Конраду Гунну)

Теперь пора и вам заговорить.

К о н р а д Г у н н

Я в Райнфельд ездил, к Альбрехта двору,
На тяжкий гнет пожаловаться фохтов
И вольностей старинных подтверждение
От государя нового принять.
Послы от многих городов там были,
Из Швабии да из земель прирейнских,
И все они уже достали льготы
И возвращались весело домой.
Но ваш посол к советникам был вызван,
И те ему сказали в утешенье:
«Вы поезжайте, император занят,
В другое время вспомнит он о вас».
Я проходил в унынии по залам,
Вдруг вижу — герцог Иоганн в сторонке
Стоит и слезы льет, а рядом с ним

Два рыцаря: фон Тегерфельд и Варт.
И, подзвав меня, они сказали:
«Надейтесь только на себя! А правды
От Альбрехта вам нечего и ждать.
Не он ли у племянника родного
Наследье материнское похитил?
Наш герцог совершеннолетен, может
И сам своей странюю управлять.
Но не венец — венок ему дал Альбрехт:
«Пусть это будет юности убором...»

М а у е р

Слыхали? Справедливости не ждите
От Габсбурга! Надейтесь на себя!

Р е д и н г

Нет выбора другого. Как же нам
Разумно цели радостной достигнуть?

В а л ь т е р Ф ю р с т (выходит на середину круга)

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.
Вы кесарево кесарю отдайте,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

М а й е р

От Австрии свой лен я получил.

Р е д и н г

И продолжайте долг блюсти пред нею.

И о с т В а й л е р

Я Рапперсвейлям подати плачу.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Платите им, как вы всегда платили.

Р ё с с е л ь м а н

Я цюрихской обители дал клятву.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Церковное вы церкви отдавайте.

Ш т а у ф ф а х е р

Империя дала мне в лен мой двор.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что быть должно, да будет, но не свыше!
Мы фохтов из страны должны прогнать
С их слугами и крепости разрушить, —
Без крови, если можно. Император
Пусть видит: нас заставила нужда
Нарушить нами данную присягу.
И если мы в узде себя удержим,
Он гнев смирит, как мудрый государь.
Народ себя заставит уважать,
Коль, взявши меч, умеренность проявит.

Р е д и н г

Но как, ответьте, к делу приступить?
Ведь у врага оружие в руках,
И он, конечно, не уйдет без боя.

Ш т а у ф ф а х е р

Уйдет, когда внезапно пред собой
Увидит он народ вооруженный.

М а й е р

Сказать легко, да сделать мудрено.
Два крепких замка высятся в стране
Как вражеский оплот, — он станет грозен,
Когда войска австрийцев подойдут.
Так Росберг взять и Сарнен мы должны
До той поры, как весь народ восстанет.

Ш т а у ф ф а х е р

Не медлите, чтоб враг не принял мер, —
Участников немало в нашей тайне.

М а й е р

Предателей в народе нашем нет.

Р ё с с е л ь м а н

Случается, благое рвенье губит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Отсрочка тем нехороша, что фохт
Успеет крепость в Альторфе построить.

М а й е р

Вы о себе лишь помните.

П е т е р м а н

Неправда.

М а й е р

Неправдою нас Ури попрекает?

Р е д и н г

Во имя клятвы, тише!

М а й е р

Замолчать

Придется нам, коль Швиц — горой за Ури.

Р е д и н г

Я осудить пред общиной вас должен —
Горячностью вы вносите разлад.
Не за одно ли дело мы стоим?

В и н к е л ь р и д

Нам отложить до Рождества бы надо,
Когда велит обычай поселянам
Подарки фохту в замок приносить.
Туда могло бы человек двенадцать
Проникнуть, не внушая подозрений,
Отточенные взяв с собой клинки,
Их надо тайно в посохи заделать —
С оружием не пропускают в крепость.
Вблизи, под лесом, спрячется отряд
И только поселяне завладеют
Воротами — рог затрубит призывный
И вся засада бросится на помощь.
И после легкой схватки — замок наш.

М е л ь х т а л ь

А в крепость Росберг я готов проникнуть.
Я там одной служанке приглянулся
И без труда ее уговорю,
Чтоб лестницу она в окно спустила.
А как взберусь — за мной друзья ворвутся!

Р е д и н г

Так все за то, что надо отложить?

Большинство поднимает руки.

Ш т а у ф ф а х е р (сосчитав голоса)

Двенадцать против, двадцать за отсрочку!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так если в день условленный падут
Два замка, то сигнальные огни
Зажгутся на вершинах гор. Тогда
Народное сзывайте ополчение.
И фохты, увидав, что не шутя

Швейцарцы за оружие взялись,
Страну покинут без кровопролитья.
Мы им дадим надежную охрану.

Ш т а у ф ф а х е р

Но с Геслером нам справиться труднее.
Всегда он сильной стражей окружен
И без кровопролитья не отступит.
В изгнание даже страшен он стране.
Щадить его, я думаю, опасно.

Б а у м г а р т е н

Где гибель ждет, туда меня пошлите.
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
За край родной бестрепетно отдам.
Честь защитив, я сердце успокоил.

Р е д и н г

Нас время умудрит. Терпите, ждите!
Всего сейчас предусмотреть нельзя.
Меж тем как мы ночной совет держали,
Вот утро на вершинах гор зажгло
Багряные сигнальные огни...
Расстанемся до наступленья дня.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Забрезжит день внизу еще не скоро.

Все невольно снимают шляпы и благоговейно смотрят на зарю.

Р ё с с е л ь м а н

При свете, что привет нам раньше шлет,
Чем племенам, которые под нами
Живут в чаду и шуме городов,
Скрепим мы клятвой новый наш союз:
«Да будем мы народом граждан-братьев,
В грозе, в беде единым, нераздельным».

Все повторяют, поднимая правую руку с тремя поднятыми вверх пальцами.

«Да будем мы свободными, как предки,
И смерть пусть каждый рабству предпочтет».

Все повторяют с тем же самым жестом.

«На Бога да возложим упование
Без страха пред могуществом людей».

Так же, как выше. Все обнимают друг друга.

Ш т а у ф ф а х е р

Ну, а теперь ступай без шуму каждый

Своей дорогой к близким и родным.
Пастух, смотри за стадом на зимовке
И сотоварищей вербуй в союз!
До срока всё сносит терпеливо.
Пусть тиранов множится вина:
Настанет день, и с ними мы сведем
И личные и общий счет — народный.
Законный гнев свой каждый обуздай
И береги для всенародной мести;
Она — наш долг, его не умаляй
Деяньями в защиту личной чести.

Когда все в полной тишине расходятся в разные стороны, звуки оркестра врываются со
все возрастающей силой. Над опустевшей сценой занавес опускается не сразу.
Солнце всходит над ледяными вершинами гор.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор при доме Телля.

Телль плотничает. Гедвига занята домашней работой. Вальтер и Вильгельм в глубине
сцены играют маленьким самострелом.

В а л ь т е р (поет)

Метки горца стрелы,
Верен лук тугой,
Вот идет он смело
По тропе крутой.

В синие просторы
Дерзко он пришел,
Где орлы да горы,
Где он сам — орел!

Пролетит ли птица,
Зверь ли пробежит —
Вмиг стрела помчится,
Молнией сразит.

(Подбегает к отцу.)
Поправь, отец! Порвалась тетива.

Т е л л ь

Ну нет, стрелок поправить должен сам.

Мальчики уходят.

Г е д в и г а

Как рано дети учатся стрелять.

Т е л л ь

Кто сызмала начнет, тот мастер будет.

Г е д в и г а

Дай Бог не знать такого мастерства!

Т е л л ь

Все надо знать им. Тот, кто хочет в жизни
Пробиться, должен быть вооружен
И для защиты и для нападения.

Г е д в и г а

Прощай, семья, покой...

Т е л л ь

Покой мне чужд.
Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользящую гнаться;
И лишь тогда мне наслаждение жизнь,
Когда в борьбе проходит каждый день.

Г е д в и г а

А я одна, с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю!
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
А при разлуке замирает сердце —
Боюсь, что я тебя уж не увижу.
Мне чудится, меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну сшиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
Иль вдруг тебя засыпало лавиной,
Вдруг под тобой коварный треснул лед...
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, сотни раз меняя облик свой,
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит!

Т е л л ь

Кто ловок, осмотрителен, силен,
На Бога уповает, тот легко
Беду любую побороть сумеет.
Природным горцам горы не страшны.
(Окончив работу, убирает инструмент.)
Ну, я на годы починил ворота.
Коль есть топор, мне плотник ни к чему.
(Берет шляпу.)

Г е д в и г а

Куда опять собрался?

Т е л л ь

В Альторф, к тестю.

Г е д в и г а

Во что-нибудь опасное ввязаться?

Т е л л ь

С чего взяла ты это?

Г е д в и г а

Твердо знаю:
Есть заговор какой-то против фохтов...
На Рютли был совет. Ты заодно.

Т е л л ь

Я не был там... Но если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

Г е д в и г а

Тебе укажут место поопасней, —
Что потрудней, достанется тебе.

Т е л л ь

По силам долг на каждого возложат.

Г е д в и г а

Недавно Баумгартена в грозу
Ты от погони спас... Вы уцелели,
Должно быть, чудом... Как ты не подумал
О детях и жене?

Т е л л ь

О вас я думал —
Вот почему я детям спас отца!

Г е д в и г а

По разъяренным волнам плыть! Ты Бога
Таким поступком дерзким искушал.

Т е л л ь

Раздумывая, много не свершишь.

Г е д в и г а

Ты выручить всегда готов другого,
А попадешь в беду, так не помогут.

Т е л л ь

Бог даст, и сами справимся с бедой!
(Берет свой самострел и две стрелы.)

Г е д в и г а

Зачем ты лук берешь с собой? Оставь!

Т е л л ь

Я как без рук, когда он не при мне.

Мальчики возвращаются.

В а л ь т е р

Отец, куда ты?

Т е л л ь

К дедушке, сынок...
Ты не пойдешь со мной?

В а л ь т е р

Пойду, конечно!

Г е д в и г а

Сейчас там Геслер. В Альторф не ходи!

Т е л л ь

Он к вечеру отправится.

Г е д в и г а

Так выжди!
Он зол на нас. С ним лучше не встречаться.

Т е л л ь

Мне мало дела, зол он или нет.
Живу я честно, — что мне до врагов!

Г е д в и г а

Сильней всего он честных ненавидит.

Т е л л ь

Не потому ль, что к ним нельзя придраться?..
Но, думаю, меня не тронет он.

Г е д в и г а

Ты почему так думаешь?

Т е л л ь

Недавно
Охотился я в Шехенском ущелье;
Там редко след увидишь человека.
Я шел пустынной горною тропой,
Где встречным трудно разминуться. Прямо
Над головой моей скала нависла,
А подо мной ревел сердито Шехен.

Мальчики прильнули к нему справа и слева и смотрят на него
с напряженным любопытством.

Вдруг мне навстречу Геслер. Он один,
Без провожатых был, и я один.
Лицом к лицу стоим, а рядом — пропасть.
Заметив, он тотчас меня узнал;
Ведь незадолго перед тем сурово
За сущий вздор он наказал меня.
И видит он, я перед ним стою
С отличным самострелом. Он смутился
И побледнел, колени задрожали...
Один бы миг — и сорвался б с утеса!
Так жалок он мне стал, что подошел
Почтительно к нему я со словами:
«Ведь это Телль... Телль, господин ландфохт».
Он ничего на это, лишь рукой
Мне подал знак идти своей дорогой.
Уйдя, я свиту вслед за ним послал.

Г е д в и г а

Он задрожал перед тобой... Смотри!
Позора он вовек не позабудет.

Т е л л ь

Я встречи не ищу. И он не ищет.

Г е д в и г а

Останься. Иль ступай уж на охоту.

Т е л л ь

Да что с тобой?

Г е д в и г а

Не по себе мне что-то.

Т е л л ь

Зачем себя ты мучишь без причины?

Г е д в и г а

Пусть без причины... Но останься, Телль.

Т е л л ь

Я, дорогая, слово дал прийти.

Г е д в и г а

Ты должен — что ж, иди... Оставь мне сына!

В а л ь т е р

Нет, мама, я хочу пойти с отцом.

Г е д в и г а

Ты хочешь мать свою покинуть, Вельти?

В а л ь т е р

Подарок я от деда принесу. (Уходит с отцом.)

В и л ь г е л ь м

Но я с тобою, мама!

Г е д в и г а (обнимая его)

Милый мой.

Хоть ты еще остался у меня!

(Идет к воротам и долгим
взглядом провожает уходящих.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дикое, уединенное место в лесу.
С утесов низвергаются ручьи, над которыми радугой переливается
на уступах водяная пыль.
Берта в охотничьем костюме. Вслед за нею Руденц.

Б е р т а

Идем сюда. Мы сможем объясниться.

Р у д е н ц (быстро входит)

Ах, наконец-то мы наедине!

Свой приговор произнесите мне.

Мы без свидетелей, в лесной глуши, —

Я сердце облегчу в ее тиши.

Б е р т а

Но далеко ль охотники отсюда?

Р у д е н ц

Там, далеко... Теперь иль никогда!

Я дорогой воспользуюсь минутой —

Судьба моя должна решиться тут,

Хотя бы я навеки вас лишился.
Но почему обычно кроткий взгляд
Так строго на меня вы устремили?..
Кто я такой, чтоб смел о вас мечтать?
Меня еще не увенчала слава,
Мне далеко до рыцарей, что вас,
Овеянные славой, окружают.
Любовь и верность — все, чем я богат..

Б е р т а (со строгой важностью)

Вы о любви и верности твердите,
Готовясь изменить святому долгу?

Руденц отступает.

Раб Австрии, продавшийся врагам
И палачам отчизны угнетенной!

Р у д е н ц

Но от кого такой упрек я слышу?
Кого ж я, кроме вас, у них искал?

Б е р т а

Так вы среди изменников меня
Надеялись найти? Скорей бы руку
Я Геслеру-тирану отдала,
Чем отщепенцу родины своей,
Орудию слепому чужеземцев!

Р у д е н ц

О, что я слышу? Боже!

Б е р т а

Разве есть
Милей отчизны что-нибудь на свете?
Есть разве долг прекрасней, благородней,
Чем быть щитом безвинного народа
И угнетенных защищать права?
Душа моя скорбит за ваш народ,
Я с ним страдаю заодно; ведь я
Люблю его — он кроток, хоть могуч.
Всем сердцем я привязана к нему
И с каждым днем все больше уважаю.
А вы, кого ваш прирожденный долг
В защитники предназначал народу,
Вы бросили его, врагам предались
И с ними цепи родине куете!
Мне больно, я от ненависти к вам
С трудом свое удерживаю сердце.

Р у д е н ц

А я народу блага не хочу?
Ему под мощным скипетром австрийским

Мир...

Б е р т а

Рабство вы готовите ему!
Ваш край — последний на земле оплот
Свободы, вы изгнать ее хотите!
Где счастье для народа, лучше видит
Он сам, его спасает здравый смысл.
А вы в тенета с головой попали.

Р у д е н ц

Так я презренья, ненависти стою?

Б е р т а

О, если б так! Но видеть вас достойным
Презренья, видеть, как вас презирают,
Когда б любить вас...

Р у д е н ц

Берта! Берта! Вы
То радостью поманите небесной,
То сбросите вдруг с высоты чудесной.

Б е р т а

Нет, нет, в вас благородство не угасло,
Оно лишь дремлет — я его бужу.
Напрасно вы хотели заглушить
В себе к добру врожденное стремленье,
На благо вам, оно сильнее, чем вы, —
Наперекор себе вы благородны.

Р у д е н ц

Вы верите еще в меня! О Берта,
С любовью вашей стать могу я всем!

Б е р т а

Природе вашей верность сохраните.
Займите вам назначенное место!
За свой народ, за родину вступитесь,
Сразитесь за святые их права!

Р у д е н ц

О горе! Разве вас я не лишусь,
Когда я против Австрии восстану?
Ведь вы в руках своих родных — они
Насильно замуж выдать вас хотят.

Б е р т а

В лесных кантонах все мои владенья, —
Швейцарца вольность станет и моей.

Р у д е н ц

Ах, до чего все ясно мне теперь!

Б е р т а

Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев. Нет, немало
Охотников там до моих поместий.
Они и вашей родине грозят,
Захватчики без совести и чести!
О друг, я жертвой быть обречена.
Чтоб мною фаворита наградить,
Средь лжи двора меня заставят жить.
Печальная мне доля суждена:
Брак ненавистный мне скует оковы.
Спасайте же, любя, — для жизни новой!

Р у д е н ц

Так вы решились бы остаться здесь,
Моей женою быть в моей отчизне?
О Берта, целью всех моих стремлений,
Моих надежд ведь были только вы!
Я ради вас спешил на поле славы,
Из-за любви о почестях мечтал.
Но если здесь, в долине безмятежной,
Решитесь поселиться вы со мной,
Блестящий свет покинув, я — у цели.
И пусть тогда в гранитные твердыни
Чужая жизнь бьет яростной волной!
Меня желанье прежде искушало
Уйти в тот мир, в обманчивую даль.
Теперь пускай вокруг сомкнутся скалы
Глухой стеной — мне ничего не жаль.
Нас ждет в долине этой сокровенной,
Открытой небу, счастье всей вселенной.

Б е р т а

Таким тебя я видела в мечтах.
Я верила в тебя — и не ошиблась!

Р у д е н ц

Теперь конец коварным обольщеньям —
На родине я счастье обрету!
Здесь мальчиком я расцветал беспечно,
Здесь радости пленяют нас бывшие,
Тут шум ручьев и сосны вековые...
В моей отчизне станешь ты моей!
О, я всегда любил свой край! А радость
На родине любая нам милей.

Б е р т а

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Невинности давно желанный край,

Где древней верности заветы живы,
Где лицемерье не свило гнезда...
Тут зависть наше счастье не отравит,
И безмятежные нас ждут года.
И вижу я тебя в расцвете сил,
И первый ты средь равных и свободных;
Любовь народную ты заслужил
Величием деяний благородных.

Р у д е н ц

И вижу я тебя, всех жен венец,
Заботливой и нежною подругой.
Блаженством упоен былой слепец,
Мне жизнь — весна, с тобой, моей супругой.
Ты всюду прелесть вносишь, милый друг,
И все живишь и радуешь вокруг!

Б е р т а

Мой милый, горько было убеждаться,
Что это счастье высшее ты губишь...
Не тяжело ль мне было бы, увы,
Последовать за рыцарем надменным,
Губителем страны, в угрюмый замок!
Тут замков нет. Не отделяют стены
Нас от народа. И ему отныне
Мы оба служим!

Р у д е н ц

Как же сбросить петлю?
Ах, сам ее надел я на себя!

Б е р т а

Ты мужественно разорви ее.
Что б ни было... с народом оставайся!
Ты к этому рождением предназначен.

Издали доносится звук охотничьих рогов.

Трубят... Прощай... Так помни, что, сразясь
За родину, ты за любовь сразишься.
У нас и у отчизны — враг один;
Ее свобода — каждого свобода.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Луг возле Альторфа.

На переднем плане деревья. В глубине на шесте висит шляпа. Перспектива замыкается
покрытой заповедным лесом горой, над которой высится цепь снежных вершин. Фрисгард
и Лейтхольд стоят на страже.

Ф р и с г а р д

Мы караулим зря. Никто сюда
Отдать почтенье шляпе не заходит.
Бывало, как на ярмарке, народ
Толпился здесь. Но стал пустыней луг,
Когда на жерди чучело повисло.

Л ё й т х о л ь д

К досаде нашей, только сброд один
В дырявых шапках мимо нас проходит.
А кто почтенней, те скорее крюку
Изрядного дадут, чтоб мимо шляпы
Не проходить и спин пред ней не гнуть.

Ф р и с г а р д

А все ж по этой площади сегодня
Из ратуши пришлось идти народу.
Ну, думаю, улов богатый будет, —
Ведь никому до шляпы дела нет.
Но Рёссельман, их поп, увидев это, —
Как раз он шел с причастьем от больного, —
У нашей шляпы вдруг остановился...
Псаломщик в колокольчик зазвонил...
И на колени стали все, я тоже —
Перед причастьем, но не перед шляпой.

Л ё й т х о л ь д

Позорный столб для нас самих, приятель,
Вот этот шест с напяленною шляпой.
Ведь это срам для доброго вояки —
Быть на посту перед пустою шляпой.
За это все нас вправе презирать.
Отвешивать поклоны перед шляпой —
Поверь! — дурацкий это, брат, приказ!

Ф р и с г а р д

Подумаешь, перед пустою шляпой!
Ты ж кланяешься голове пустой?

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета входят с детьми
и становятся вокруг шеста.

Л ё й т х о л ь д

Эх, вижу я, ты подслужиться хочешь
И добрый люд ты рад вовлечь в беду.
По мне, иди кто хочет мимо шляпы,
А я на все смотреть сквозь пальцы буду.

М е х т г и л ь д а

Вон фохт висит! Почтенья больше, дети!

Э л ь с б е т а

Убраться бы ему, оставив шляпу.

Поверь, не хуже было бы стране!

Ф р и с г а р д (прогоняя их)

Вы здесь зачем? Проваливайте! Живо!
Кто звал вас? Вы мужей сюда пришлите,
Их подстрекнув не выполнять приказ.

Женщины уходят.
Входит Телль с самострелом, ведя сына за руку.
Они идут на авансцену, не обращая внимания на шляпу.

В а л ь т е р (показывает на гору,
покрытую заповедным лесом.)

Не правда ли, отец, там, на горе,
Как топором по дереву ударишь,
Из раны брызнет кровь?

Т е л л ь

А кто сказал?

В а л ь т е р

Пастух... Там заколдованы деревья.
И говорят, у тех, кто им вредил,
Одна рука из гроба проросла.

Т е л л ь

Неправда, это заповедный лес.
Вон видишь там вершины снеговые,
Те, что уходят ввысь, за облака?

В а л ь т е р

То ледники. Они гремят ночами.
На нас оттуда катятся лавины.

Т е л л ь

Так вот, давно б тяжелые лавины
Засыпали селенье наше Альторф,
Но будто всенародным ополчением
Встречает их наш заповедный лес.

В а л ь т е р (немного подумав)

А есть края, где нет ни скал, ни гор?

Т е л л ь

Спускаясь с наших гор все ниже, ниже,
Теченью следуя потоков бурных,
Доходишь до равнины необъятной,
Где, пенясь, не шумят лесные воды,
Но реки тихо, безмятежно льются;
Там ширь спокойная иной природы,

Куда хватает глаз — повсюду нивы,
И вся страна как сад большой, красивый.

В а л ь т е р

Так почему, отец, мы не сойдем
Скорее вниз, в ту чудную страну,
Чем жить в напрасных муках и тревоге?

Т е л л ь

Прекрасен тот благословенный край!
Но те, кто там возделывает землю,
Не пользуются жатвой...

В а л ь т е р

Не живут
Свободно на своей земле, как ты?

Т е л л ь

Там вся земля — у короля и церкви.

В а л ь т е р

Но ведь в лесах охотятся свободно?

Т е л л ь

Пернатые и зверь — добро господ.

В а л ь т е р

Но в реках-то свободно ловят рыбу?

Т е л л ь

Река и море, соль — все короля.

В а л ь т е р

Кто ж этот страшный каждому король?

Т е л л ь

Он подданных защитник и кормилец.

В а л ь т е р

Что ж, сами защитить себя не могут?

Т е л л ь

Сосед соседу там не доверяет.

В а л ь т е р

В стране широкой тесно будет мне.

Уж лучше пусть над головой лавины.

Т е л л ь

Да, это правда. Лучше за спиной
Пусть будут ледники, чем злые люди.

Хотят пройти мимо.

В а л ь т е р

Отец, гляди-ка, шляпа на шесте!

Т е л л ь

Что нам до шляпы? Поспешим, сынок!
(Хочет идти.)

Фрисгард преграждает ему копьём дорогу.

Ф р и с г а р д

Во имя императора! Ни с места!

Т е л л ь (хватаясь за копьё)

Да что вам нужно? Что все это значит?

Ф р и с г а р д

Приказ нарушен. Следуйте за нами.

Л ё й т х о л ь д

Почтения не отдали вы шляпе.

Т е л л ь

Пусти, приятель!

Ф р и с г а р д

Нет, в тюрьму! В тюрьму!

В а л ь т е р

Отца в тюрьму? На помощь! Помогите!
(Кричит за сцену.)
Скорее, люди добрые, сюда!
Насилие! Отца в тюрьму уводят!

Священник Рёссельман и псаломщик Петерман
появляются с тремя поселянами.

П е т е р м а н

Что тут у вас?

Рёссельман

Зачем его ты держишь?

Фрисгард

Изменник он и государю враг.

Телль (хватает его)

Изменник? Я?

Рёссельман

Да ты взглядишь, приятель!
Ведь это Телль — достойный гражданин.

Вальтер
(замечает Вальтера Фюрста и
устремляется к нему навстречу)

Отца схватили! Дедушка, на помощь!

Фрисгард

В тюрьму его!

Вальтер Фюрст (подбегает)

Я за него ручаюсь!
Что тут случилось? Ради Бога, Телль!..

Входят Мельхталь и Штауффахер.

Фрисгард

Он власть ландфохта признавать не хочет.
Ослушник этот ею пренебрег.

Штауффахер

Так в этом провинился Телль?

Мельхталь

Ты лжешь!

Лейтхольд

Почтенья шляпе он не оказал.

Вальтер Фюрст

Так вот за что его в тюрьму? Приятель,
Я за него ручаюсь, отпусти!

Фрисгард

Ты за свою, старик, ручайся шкуру!

Мы делаем, что служба нам велит.

М е л ь х т а л ь (поселянам)

Да это вопиющее насилие!
Неужто нагло уведут его?

П е т е р м а н

Нет, мы сильней! Друзья, не выдавать!
Один за всех — и все за одного!

Ф р и с г а р д

Так вы приказу фохта непослушны?

Т р о е п о с е л я н (вбегая)

Мы на подмогу! Что тут? Измолотим!

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета возвращаются.

Т е л л ь

Я справлюсь, люди добрые. Ступайте!
Когда я к силе захочу прибегнуть,
Вы думаете, копий устрашусь?

М е л ь х т а л ь (Фрисгарду)

Посмей-ка увести его от нас!

В а л ь т е р Ф ю р с т и Ш т а у ф ф а х е р

Оставьте! Тише!

Ф р и с г а р д (кричит)

Бунт! Мятеж, мятеж!

Слышны охотничьи рога.

Ж е н щ и н ы

Наместник Геслер едет!

Ф р и с г а р д (еще громче)

Бунт! Мятеж!

Ш т а у ф ф а х е р

Кричи, пока не лопнешь!

Р ё с с е л ь м а н и М е л ь х т а л ь

Замолчишь ты?

Ф р и с г а р д (во все горло)

Сюда, слуге закона помогите!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Вот сам наместник. Что-то с нами будет?

Геслер верхом, с соколом на руке. Рудольф Гаррас, Берта, Руденц
и вооруженная охрана из наемников.
На сцене образуется круг из копий.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Дорогу фохту дайте!

Г е с л е р

Разогнать их!
Что за толпа? Кто призывал на помощь?

Все молчат.

Ну, кто же? Отвечайте мне!
(Фрисгарду.)
Вперед!
Кто ты такой? А он в чем провинился?
(Передает сокола слуге.)

Ф р и с г а р д

О господин, я верный воин твой
И часовым поставлен здесь, у шляпы.
А этот мной сейчас изобличен:
Он отказался шляпе поклониться
И, по приказу, мною был задержан.
Но чернь его отбить хотела силой.

Г е с л е р (помолчав)

Неужто императором и мной,
Ландфохтом, Телль, ты так пренебрегаешь,
Что шляпу ты не захотел почтить,
Которой я испытываю вас?
Злой умысел ты этим только выдал.

Т е л ь

Простите, сударь! Я не из презренья —
По безрассудству ваш приказ нарушил.
Будь я другой, меня б не звали Телль.
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Г е с л е р (помолчав)

Ты мастерски, стрелок, владеешь луком
И в меткости едва ль кому уступишь?

В а л ь т е р

Да, это правда. С яблони собьет
Мне яблоко отец хоть в ста шагах.

Г е с л е р

Что, это сын твой, Телль?

Т е л л ь

Да, мой сынок.

Г е с л е р

А есть еще?

Т е л л ь

Их двое у меня.

Г е с л е р

Которого ты сына больше любишь?

Т е л л ь

Они мне оба дороги равно.

Г е с л е р

Ну, если с яблони ты в ста шагах
Сбиваешь яблоко, то покажи мне
Свое искусство, Телль... Возьми свой лук...
Да при тебе он, впрочем... С головы
Сшиби у сына яблоко стрелой...
Но только ты получше целься, Телль,
И первой же стрелою попади;
А промахнулся — с жизнью распростишься.

Все поражены ужасом.

Т е л л ь

Чудовищный вы отдали приказ...
Неужто вправду?.. С головы сыновней...
Нет, сударь, нет, вам это не могло
Прийти на ум... Нет, Боже упаси
Такой приказ всерьез отдать отцу!

Г е с л е р

Ты яблоко у сына с головы
Собьешь сейчас, как я того хочу.

Т е л л ь

Чтоб в голову родного сына метил
Родной отец?.. О нет, уж лучше смерть!

Г е с л е р

Стреляй, не то погибнешь ты и сын твой!

Телль

Мне быть убийцей своего ребенка!
Как видно, нет у вас детей... Понять
Вам не дано родительское сердце.

Геслер

Э, Телль, как ты вдруг стал благоразумен!
А говорят, что ты большой мечтатель,
Живешь не так, как все другие люди.
Что почудней ты любишь... оттого
Я по тебе такой и подвиг выбрал.
Там, где другой задумался б, ты смело,
Закрыв глаза, решаешься на все.

Берта

О, не шутите так с народом, сударь!
Они бледны, дрожат... Им непривычно
Затейливые шутки ваши слушать.

Геслер

А кто сказал вам, будто я шучу?
(Срывает яблоко с висящей над ним ветки.)
Вот яблоко... Живей! Посторонитесь!
Шаги отмерить!.. Восемьдесят хватит...
Ни больше и ни меньше... Он хвалился,
Что в ста шагах сразит любую цель...
Ну, так стреляй, — смотри ж, не промахнись!

Рудольф Гаррас

О Боже!.. Это уж не шутка... Мальчик,
Ты на коленях вымоли пощаду!

Вальтер Фюрст
(тихо Мельхталю, который
с трудом сдерживается)

Сдержитесь, Мельхталь, я вас умоляю!

Берта (ландфохту)

Довольно, сударь! О, бесчеловечно
Отцовским сердцем так играть. Уж если
Бедняга за проступок свой ничтожный
И должен быть казнен, то он, о Боже,
Десятикратно муки смерти вынес.
Пусть невредим он в хижину свою
Вернется. Вас он знает! Этот час
И Телль и внуки Телля не забудут.

Геслер

Эй, расступитесь!.. Что же ты так медлишь?
Ты виноват, тебя казнить я вправе;
Но милостиво, Телль, твою судьбу
Искусству рук твоих же я вверяю.
Нельзя роптать на приговор суровый
Тому, кто сам своей судьбы хозяин.
Ты метким глазом похвалялся. Ладно!
Так покажи, стрелок, свое искусство;
Достойна цель, награда велика!
Попасть стрелою в черный круг мишени
Сумеет и другой, но мастер тот,
Кого не подведет его искусство,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

В а л ь т е р Ф ю р с т (бросаясь
перед Геслером на колени)

О господин наместник, мы вас чтим,
Но пощадите! Я вам половину
Отдам добра, возьмите даже все,
Но вы отца от страшных мук избавьте!

В а л ь т е р Т е л л ь

Ах, дедушка, ты перед ним не падай!
Он злой. Ну, где мне стать? Я не робею.
Ведь мой отец бьет птицу на лету, —
Он сердце не пронзит родного сына.

Ш т а у ф ф а х е р

И вас не тронет детская невинность?

Р ё с с е л ь м а н

Есть Бог на небесах, и перед ним
В своих делах дадите вы отчет!

Г е с л е р (указывая на мальчика)

Его вон к той привязывайте липе.

В а л ь т е р Т е л л ь

Привязывать? Меня? Я не хочу!
Я, как ягненок, тихо, чуть дыша,
Стоять там буду. Если же меня
Привяжете, я стану отбиваться.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Дай, мальчик, завязать себе глаза!

В а л ь т е р Т е л л ь

Глаза? Ну нет! Неужто испугаюсь
Стрелы отца, что полетит в меня?..
Я буду ждать и глазом не моргну.
Узнает он, какой стрелок отец!

Не верит изверг, погубить нас хочет...
Назло ему стреляй и попади!
(Идет к липе.)

Ему на голову кладут яблоко.

М е л ь х т а л ь (поселянам)

Как! На глазах пред нами совершится
Злодейство это? Где же наша клятва?

Ш т а у ф ф а х е р

Напрасно всё! Ведь все мы безоружны.
Мы лесом копий тут окружены.

М е л ь х т а л ь

Зачем мы сразу не взялись за дело?
Прости, Господь, отсрочку предложившим!

Г е с л е р (Теллю)

Скорей же! Зря оружие не носят.
Опасно с ним ходить везде и всюду, —
Стрела, отпрянув, поразит стрелка.
Такая дерзость поселян — обида
Верховному властителю страны.
Лишь господа ходить с оружием вправе.
Вы лук и стрелы любите носить —
Пусть так, но вот тебе для них мишень.

Т е л л ь

(натягивает лук и закладывает стрелу)

Посторонитесь, люди!

Ш т а у ф ф а х е р

Что вы, Телль!
Хотите... Ни за что!.. Возбуждены вы,
Колени гнутся, и рука дрожит...

Т е л л ь (опуская лук)

В глазах мутится!

Ж е н щ и н ы

Милостивый Боже!

Т е л л ь (ландфохту)

Не буду я стрелять — вот грудь моя!
(Обнажает грудь.)
Пронзить ее велите вашей страже!

Г е с л е р

Не жизнь твоя, но выстрел твой мне нужен...
Ты духом тверд. На все готов дерзать!
Отлично ты владеешь самострелом.
За руль берешься, не страшась грозы.
Спасай теперь себя... спаситель всех!

Телль стоит, и по всему видно, что он испытывает страшную внутреннюю борьбу. Руки его дрожат, блуждающий взор то обращен на ландфохта, то устремлен к небу. Вдруг он хватает свой колчан, выдергивает оттуда еще одну стрелу и прячет ее за пазуху.
Геслер следит за всеми его движениями.

В а л ь т е р Т е л л ь (под липой)

Стреляй, отец! Я не боюсь!

Т е л л ь

Что ж, надо!
(Овладевает собой и начинает целиться.)

Р у д е н ц
(все время стоявший в напряженном ожидании и с трудом сдерживавший себя, выступает вперед)

Довольно, фохт! Прошу вас, прекратите...
Все это было только испытаньем...
Вы своего добились... Но суровость
Излишняя вредит разумной цели:
Натянутый сверх меры — треснет лук.

Г е с л е р

Прошу молчать!

Р у д е н ц

Нет! Буду говорить!
Честь Габсбургов священна для меня.
Но ненависть легко снискать насильем,
А этого не хочет император...
Жестокости такой не заслужил
Народ мой, нет у вас на это права.

Г е с л е р

Как смеете вы!

Р у д е н ц

Долго я молчал,
Бесчинства над народом наблюдая;
Я закрывал на все свои глаза
И заглушал в своей груди страданья,
Скорбь гневом переполненного сердца.
Но долее молчать изменой было б
И Габсбургам и родине моей.

Б е р т а
(бросаясь между ландфохтом
и Руденцом)

Он только злее разъярится, Руденц!

Р у д е н ц

Я свой народ покинул, от родных
Отрекся. И естественные узы
Я разорвал, чтоб только к вам примкнуть...
Я думал благу общему помочь,
Монарха власть в моей стране усилив.
Теперь повязка с глаз моих упала,
И в ужасе над бездной я стою.
Я верил вам — и был обманут вами.
Вы сердце честное опутали... И я
С благою целью мой народ губил.

Г е с л е р

И ты дерзишь так нагло господину?

Р у д е н ц

Мой господин не вы, а император...
Свободен я, и рыцарская доблесть
Моя нисколько вашей не уступит.
Во имя императора вы здесь,
И хоть позорите вы это имя,
Я чту его, иначе бы перчатку
Я бросил вам, потребовав к ответу.
Что ж, дайте знак своей охране... я
Не безоружен, как они...
(Указывая на народ.)
Со мной
Мой добрый меч, пусть...

Ш т а у ф ф а х е р (кричит)

Яблоко упало!

Пока всеобщее внимание было привлечено к ландфохту и Руденцу, между которыми
стояла Берта, Телль пустил стрелу.

Р ё с с е л ь м а н

А мальчик жив!

Г о л о с а

Телль в яблоко попал!

Вальтер Фюрст, слабея, готов упасть, но Берта его поддерживает.

Г е с л е р (пораженный)

Как, он стрелял? Неужто? Вот безумец!

Б е р т а

Ребенок жив!
(Вальтеру Фюрсту.)
Опомнитесь, отец!

В а л ь т е р Т е л ь (подбегая с яблоком)

Вот яблоко, отец... Ведь я сказал:
Ты сына своего не можешь ранить!

Телль стоит, подавшись вперед, как бы устремившись за полетом стрелы.
Самострел выпадает у него из рук. Увидя подбегающего к нему сына, он бросается к нему
с распростертыми объятиями и с жаром прижимает его
к сердцу; ноги его подкашиваются, и он падает без сил. Все растроганы.

Б е р т а

Благое небо!

В а л ь т е р Ф ю р с т (зятю и внуку)

Дети мои, дети!

Ш т а у ф ф а х е р

Хвала тебе, Господь!

Л ё й т х о л ь д

Вот это выстрел!
О нем вовек преданья не умолкнут.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Рассказывать про выстрел Телля будут,
Пока стоят твердыни этих гор.
(Подает ландфохту яблоко.)

Г е с л е р

Он в сердцевину яблока попал!
Да, выстрел меткий, надобно признаться.

Р ё с с е л ь м а н

Хорош был выстрел. Но беда тому,
Кто милость Бога дерзко искушает!

Ш т а у ф ф а х е р

Опомнитесь и встаньте, Телль. Свободу
Вы мужеством добыли. Дома ждут вас.

Р ё с с е л ь м а н

Вы к матери скорей ведите сына!

Хотят увести его.

Г е с л е р

Стой, Телль!

Т е л л ь (возвращаясь)

Что вам угодно приказать?

Г е с л е р

Ты из колчана вынул две стрелы,
Я видел сам... Зачем ты это сделал?

Т е л л ь (в замешательстве)

Так исстари ведется у стрелков.

Г е с л е р

Нет, я не верю твоему ответу.
Здесь умысел, как видно, был другой.
Ты мне признайся, Телль, чистосердечно,
Что б ни было, я не казню тебя.
Скажи, зачем стрелу другую спрятал?

Т е л л ь

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду, без утайки.
(Достает стрелу и устремляет на
ландфохта страшный взгляд.)
Стрелюю этой я пронзил бы... вас,
Когда б попал нечаянно в ребенка, —
И тут уж я бы промаха не дал.

Г е с л е р

Ну, ладно, Телль! Я жизнь тебе дарю.
Я рыцарского слова не нарушу...
Но злобные намеренья ты выдал,
И я велю тебя туда упрятать,
Где ты с луной и солнцем распростишься.
Я только так от стрел твоих спасусь.
Схватить его! Связать!

Телля связывают.

Ш т а у ф ф а х е р

Как, господин!
Вы человека бросите в темницу,
Когда его спасла рука Творца?

Г е с л е р

Посмотрим, как она спасет вторично...
Эй, отвести его ко мне на судно!

Я сам хочу доставить Телля в Кюснахт.

Р ё с с е л ь м а н

Что! Свой кантон насильно Телль покинет?

П о с е л я н е

На это есть запрет. Сам император
Не вправе против грамот поступать!

Г е с л е р

А он их подтвердил? Такую милость
Повиновеньем надо заслужить.
Бунтовщики вы против государя,
Лелеете надежду на мятеж.
Я знаю вас... я вижу вас насквозь...
Я выхватил его из всей толпы,
Но помню — все к его вине причастны.
Тот, кто умен, покорствуй и молчи.

Геслер удаляется, за ним следуют Берта, Руденц, Гаррас и слуги.
Фрисгард и Лейтхольд остаются.

В а л ь т е р Ф ю р с т (с мучительной болью)

Погибло все! Фохт погубить решил
Меня со всей семьёю заодно.

Ш т а у ф ф а х е р (Теллю)

И надо ж было изверга дразнить!

Т е л л ь

Кто сдержится, мои изведав муки?

Ш т а у ф ф а х е р

Теперь конец всему, конец! Мы все,
Вас потеряв, окованы цепями!

К р е с т ь я н е (окружив Телля)

Теперь конец надежде нашей, Телль!

Л ё й т х о л ь д (подойдя к Теллю)

Телль, мне вас жаль. Но долг мой — послушанье.

Т е л л ь

Прощайте!

В а л ь т е р Т е л л ь (в сильном
горе прижимаясь к отцу)

Мой отец! Отец! Отец!

Т е л л ь (вознеся руки к небу)

Там твой отец! Ему молись, дитя!

Ш т а у ф ф а х е р

Что вы жене хотите передать?

Т е л л ь (с горячей нежностью
прижимая сына к груди)

Сын невредим. А мне Господь поможет.
(Покидает их и уходит под стражей.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восточный берег Озера Четырех Кантонов.
Причудливые крутые скалы на западе, в глубине сцены. На озере волнение. Слышен рев
бушующих волн. По временам сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и его сын.

К у н ц

Поверите ль, я сам все это видел.
Я вам всю правду рассказал, рыбак.

Р ы б а к

В оковах Телль и в Кюснахт отвезен!
По доблестям — он первый в нашем крае
И вольности оплотом был бы здесь.

К у н ц

Сам Геслер с ним отправился в дорогу.
Из Флюельна они уже отплыть
Готовились, как я отчалил. Буря —
Она, глядите, вон как разыгралась —
Заставила меня сюда пристать
И, видимо, их тоже задержала.

Р ы б а к

Под стражею, у фохта в лапах Телль!
О, тот его упрячет так глубоко,
Что света солнца не видать ему!
Фохт побоится справедливой мести, —
Ведь мужа он свободного разгневал!

К у н ц

Как слышно, благородный Аттингаузен,

Наш старшина почтенный, умирает.

Рыбак

Надежды нашей сломан верный якорь!
Ведь только старый рыцарь без боязни
Вступался за народные права!

Кунц

Гроза сильнее буйствует. Прощайте!
В деревне я переночую нынче.
А об отъезде нечего и думать.
(Уходит.)

Рыбак

В оковах Телль, и при смерти барон!
Наглейте же, надменные тираны!
Отбросьте стыд! Язык у правды нем,
А зоркие глаза ослеплены,
И руки, что спасти должны, — в оковах!

Мальчик

Град сыплется, да крупный! Поскорей
Давай в шалаш укроемся, отец.

Рыбак

Бушуйте, ветры! Молнии, сверкайте!
Гремите, тучи! Затопляйте землю,
Небесные потоки. Да исчезнет
С лица земли преступный род людской!
Пусть тут царят огонь, вода и ветер!
Медведь и волк матерый, возвращайтесь
Сюда, в пустыню, — ваша вновь страна!
Не захотят здесь люди жить рабами!

Мальчик

Все злей пучина, а водоворот
И стонет и ревет, как никогда!

Рыбак

Чтобы стрелу пустить в дитя родное —
Нет, к этому отцов не принуждали!
Ну, как природе тут не разъяриться
И не восстать?.. О, я не удивлюсь,
Когда сорвутся в озеро утесы,
А те зубцы и башни ледяные,
Не таявшие с первых дней творенья,
Растопятся и ринутся в долины;
И горы рухнут с грохотом, а воды
Подземные вторым потоком хлынут,
И всякая земная тварь погибнет!

Слышен колокольный звон.

М а л ь ч и к

Прислушайся, на той горе звонят.
Должно быть, лодку тонущую видят —
И вот зовут молиться о несчастных.
(Взбирается на утес.)

Р ы б а к

Беда теперь суденышку, что там
Качается, в ужасной колыбели!
Беспомощны и руль и рулевой.
Гроза всесильна, ветер и волна
Его как мяч кидают... и вблизи
Не отыскать укромного приюта:
Повсюду лишь обрывистые скалы
Вдоль берегов, угрюмые, крутые,
Могучей грудью каменной грозят.

М а л ь ч и к (указывая влево)

Из Флюельна идет большая лодка.

Р ы б а к

Помилуй Бог несчастных! Если буря
Сюда, в залив скалистый, залетает,
То, как в железной клетке хищный зверь,
Она бушует здесь и с диким воем
Напрасно ищет выхода отсюда.
Кругом стоят суровые утесы,
Ей, разъяренной, преграждая путь.
(Поднимается на утес.)

М а л ь ч и к

Отец, да это Геслерово судно —
По флагу и по красному навесу.

Р ы б а к

О Боже правый! Сын, ты не ошибся.
Да, это фохта судно. В нем плывет
Он сам с невинной жертвою своей!
И скоро же настиг небесный мститель
Наместника — есть и над ним судья!
Веленьям фохта волны не внимают.
Пред шляпою его не склонят глав
Гранитные утесы... Не молись!
Пускай над ним свершится Божий суд.

М а л ь ч и к

Не за ландfoxта я молюсь — за Телля.
Телль вместе с ним плывет на этом судне.

Р ы б а к

Слепая, неразумная стихия!

Чтоб одного злодея покарать,
Ты весь корабль и рулевого губишь!

М а л ь ч и к

Смотри, они вблизи Скалистых Ребер
Прошли счастливо... Но могучий вихрь
От Чертова Собора вновь погнал
Суденышко к Большой Топор-горе...
И вот исчезли...

Р ы б а к

Там скала Резак.
И если обойти ее не смогут,
То разобьются об утес отвесный,
Что в страшную уходит глубину.
Но с ними в лодке рулевой отличный...
В такой беде их спас бы только Телль,
Но по рукам и по ногам он связан.

Входит Вильгельм Телль с самострелом. Он идет быстрыми шагами
и с удивлением озирается вокруг; видно, что он очень взволнован.
Дойдя до середины сцены, Телль бросается на землю и сначала
протягивает руки вперед, а затем поднимает их к небу.

М а л ь ч и к (замечает его)

Отец, взгляни-ка, кто там на коленях?

Р ы б а к

Смотри, он землю трогает руками.
Он очень странен... Будто вне себя.

М а л ь ч и к (подходит ближе)

Да это, знаешь... Ты взглядишь, отец!

Р ы б а к (приближаясь)

Кто это?.. Боже! Неужели Телль?
Да как вы очутились тут, скажите!

М а л ь ч и к

Вы в лодке крепко связанный лежали?

Р ы б а к

И в Кюснахт вас везли, ведь это правда?

Т е л л ь (встает)

Свободен я.

Р ы б а к и е г о с ы н

Свободен! Вот так чудо!

М а л ь ч и к

Откуда вы сейчас?

Т е л ь

Из лодки.

Р ы б а к

Что?

М а л ь ч и к (одновременно с отцом)

А фохт?

Т е л ь

А фохта носит по волнам.

Р ы б а к

Но как вы, Тель... к нам на берег попали?
Как вы спаслись от бури и от уз?

Т е л ь

Господь помог мне!.. Вот как это было.

Р ы б а к и е г о с ы н

Скорей, скорей!

Т е л ь

Известно ль вам, рыбак,
Что в Альторфе произошло?

Р ы б а к

Известно.

Т е л ь

Так фохт велел меня связать и сам
Отправиться решил со мною в Кюснахт.

Р ы б а к

Во Флюельне он с вами в лодку сел.
Мы знаем всё. Но как же вы спаслись?

Т е л ь

Я в лодке крепко связанный лежал,
Беспомощный, покинутый... И в мыслях
Я навсегда прощался с белым светом,
С женою и детьми. Я безнадежно

Смотрел вокруг на водную пустыню...

Рыбак

Бедняга!

Телль

В путь мы тронулись — ландфохт,
Его конюший Гаррас и гребцы.
А мой колчан и верный самострел
Лежали на корме у рулевого.
И вот, едва мы только поравнялись
С Меньшой Топор-горою, как внезапно
Такой жестокий, смертоносный вихрь
Примчался из ущелий Сен-Готарда,
Что у гребцов дух занялся от страха,
И всем казалось — гибель неизбежна.
Но, слышу я, один из слуг ландфохта
Так говорит ему: «Ах, ваша милость,
Попали мы в жестокую беду,
И смерть уже в глаза нам заглянула...
В смятении гребцы и рулевой,
Не знают, что им делать, растерялись,
И, видно, мало им знаком наш путь...
Но с нами Телль, силач и добрый кормчий,
Так не прибегнуть ли к нему в беде?»
Тогда сказал мне фохт: «Когда от бури
Берешься, Телль, спасти нас, я велю
Тебя от уз освободить». На это
Я отвечал: «Да, сударь, я берусь
Помочь в беде, была бы Божья воля».
И вот меня от пут освободили...
Я встал за руль и смело начал править,
Но все ж на лук поглядывал украдкой
И пристально высматривал местечко
На берегу, куда б я прыгнуть мог.
И только я завидел плоский камень,
Что в озеро далеко выдается...

Рыбак

Я знаю, близ Большой Топор-горы.
Но только невозможно — так он крут —
На этот камень выпрыгнуть из лодки...

Телль

Я крикнул, чтоб сильнее налегли
Гребцы на весла, что за тем утесом
От злейшей мы избавимся беды...
Когда же лодку мы к нему домчали,
Призвал я Бога в помощь и плотней,
Что было сил, корму прижал к скале.
И тут, схватив колчан и самострел,
Одним прыжком я выбросился вон —
На голую скалистую площадку,
При этом от себя толчком могучим
Суденышко в пучину отшвырнув, —

Пусть носится средь волн по воле Божьей!
Вот как спастись мне удалось от бури
И от насилья злобного людей.

Рыбак

Ну, Телль, над вами видимое чудо
Явил Господь! Я все еще не верю
Своим глазам... Скажите же, однако,
Где скрыться вы надеетесь? Беда,
Коль фохт живым уйдет от этой бури.

Телль

Он говорил, когда еще я связан
Лежал на дне, что в Бруннене пристанет
И через Швиц, в свой замок поведет.

Рыбак

Он двинется туда по сухопутью?

Телль

Да, так он думал.

Рыбак

Скройтесь же скорей!
Вам от ландфохта дважды не спастись.

Телль

Как через Арт пройти мне ближе в Кюснахт?

Рыбак

Большой дорогой только через Штайнен.
Но этот мальчик — сын мой — вас проводит
И ближе и надежней: через Ловерц.

Телль (пожимая ему руку)

Господь вознаградит вас. Ну, прощайте!
(Уходит, но сейчас же возвращается.)
Рыбак, а вы на Рютли присягали?
Сдается, кто-то мне вас называл...

Рыбак

Да, я там был и присягал союзу.

Телль

Тогда, мой друг, скорей ступайте в Бюрглен!
Жена моя в отчаянье. Скажите,
Что я спасен, опасность миновала.

Рыбак

Но как сказать мне ей, куда вы скрылись?

Т е л л ь

Вы Фюрста и других найдете там,
Что поклялись, тиранам всем на горе...
Пусть будут мужественны и бодры.
Свободен Телль, сильна его рука,
И обо мне они услышат вскоре.

Р ы б а к

Но цель у вас какая впереди?

Т е л л ь

Что вам слова — услышите о деле.
(Уходит.)

Р ы б а к

Ну, с Богом, в путь!.. Ты, Енни, проводи.
Чтоб ни было, но Телль достигнет цели.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Замок Аттинггаузена.

Барон, умирающий, в кресле. Вальтер Фюрст, Штауффахер, Мельхталь и Баумгартен хлопчут около него. Вальтер Телль стоит на коленях перед умирающим.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Все кончено. Он в вечность отошел.

Ш т а у ф ф а х е р

Он не похож на мертвого... Смотрите,
У губ его чуть зыблется перо!
Он тихо спит с приветливой улыбкой.

Баумгартен идет к дверям и с кем-то говорит.

В а л ь т е р Ф ю р с т (Баумгартену)

Кто там пришел?

Б а у м г а р т е н (возвращаясь)

Там Гедвига, мать Вельти.
Она и вас и сына хочет видеть.

Вальтер Телль поднимается.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Могу ль я дочь утешить... безутешный?
Ах, сколько бед на голову мою!

Г е д в и г а (врываясь)

Где сын мой? Ну, пустите же к нему!..

Ш т а у ф ф а х е р

Сдержите свой порыв... в жилище смерти...

Г е д в и г а (бросается к мальчику)

Мой Вельти! Жив!

В а л ь т е р Т е л л ь (обнимая ее)

Ах, бедная моя!

Г е д в и г а

Ты вправду цел? Ты, Вальтер, невредим?
(Осматривает его с беспокойством.)
Возможно ли? Он целился в тебя?
Как только мог он? У него нет сердца...
Родному сыну в голову стрелять!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Как он страдал — в нем сердце разрывалось!
Его принудил фохт под страхом смерти.

Г е д в и г а

О, если б он был любящим отцом,
Сто раз бы умер, но стрелять не стал бы!

Ш т а у ф ф а х е р

Благодарить за все вам надо Бога,
Он сына спас вам...

Г е д в и г а

Да, но как забыть,
Чем кончиться могло б все это?.. Боже!
Живи я долгий век — все буду видеть,
Как целится отец в родного сына,
И все стрела лететь мне в сердце будет!

М е л ь х т а л ь

Но как ландфохт над Теллем измывался!

Г е д в и г а

О черствые сердца! Когда в вас гордость
Задета, все вам нипочем. Тогда
Мужчина в ярости слепой играет

И сердцем матери и жизнью сына!

Б а у м г а р т е н

Легка ли участь вашего супруга,
Что вы его поносите так тяжело?
К страданиям Телля равнодушны вы?

Г е д в и г а
(поворачивается к Баумгартену
и окидывает его суровым взглядом)

А, друга ты слезою выручаешь?..
Где были вы, когда отважный Телль
Был взят? Ну, чем ему вы помогли?
Смотрели — и злодейство совершилось,
И выхватили Телля из толпы...
А так ли с вами поступал он? Разве
Стоял он, выражая сожаленье,
Когда ландфохта стража за тобой
Гналась, а впереди тебя бурлила
Пучина разъяренная? На слезы
Он времени не тратил зря, он в лодку
Вскочил, забыв жену, детей, и — спас!..

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да можно ль было выручить его
Нам, безоружной горсточке крестьян?

Г е д в и г а (бросается в его объятия)

Отец, отец! И ты его лишился!
Страна и весь народ его лишились!
Мы для него погибли, он — для нас.
К нему, в его подземную темницу,
Не проникает дружеское слово...
Вдруг заболит он! В гнилой тюрьме
Он может заболеть... Как роза Альп
В болотных испареньях блекнет, вянет,
Так для него без солнца жизни нет,
Без воздуха целительного гор.
В оковах! Телль! Ведь он дышал свободой!
Погибнет он, вдыхая тлен могильный!

Ш т а у ф ф а х е р

Уймите скорбь! Наступит час борьбы,
И Телля тут же мы освободим.

Г е д в и г а

Куда вы все годитесь без него?..
Телль на свободе был — была надежда;
Невинный в Телле друга обретал,
Заступника надежного — гонимый;
Он каждого спасал... а вы, все вместе,
Его оков не можете расторгнуть!

Барон просыпается.

Б а у м г а р т е н

Он шевельнулся, тише!

А т т и н г а у з е н (приподнимаясь)

Где он?

Ш т а у ф ф а х е р

Кто?

А т т и н г а у з е н

Что ж он ушел перед моей кончиной?

Ш т а у ф ф а х е р

Он о племяннике... За ним послали?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Послали... Так утешьтесь, старшина!
Он наш теперь, всем сердцем, всей душой.

А т т и н г а у з е н

Вступился он за родину свою?

Ш т а у ф ф а х е р

Со смелостью героя.

А т т и н г а у з е н

Отчего ж
Не примет он мое благословенье?
Сомненья нет, подходит мой конец.

Ш т а у ф ф а х е р

О нет, короткий сон вас подкрепил.
Бодрее вы, и ясен стал ваш взор.

А т т и н г а у з е н

Страданье — это жизнь; оно утихло,
Конец мученьям — и конец надежде.
(Заметив Вальтера Телля.)
Кто этот мальчик?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Внук мой, сирота.
Я вас прошу благословить его.

Гедвига с сыном опускаются перед умирающим на колени.

А т т и н г а у з е н

Я всех вас тут сиротами оставлю...
О, горе мне, что в свой последний час
Закат моей отчизны я увидел!
Я дожил до таких преклонных лет —
И все надежды унесу в могилу!

Ш т а у ф ф а х е р (Вальтеру Фюрсту)

И он умрет с такой печалью в сердце?
Не озарить ли нам последний час
Лучом надежды?.. Благородный рыцарь,
Воспряньте духом! Не совсем еще
Погибли мы, не вовсе беззащитны.

А т т и н г а у з е н

Но кто ж спасти вас должен?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы же сами.
Вот выслушайте! Дали три страны
Друг другу слово выгнать всех тиранов.
Союз на Рютли заключен, и клятвой
Все связаны. Мы перед новым годом
Начнем борьбу. Ваш благородный прах
В земле свободной мирно опочиеет.

А т т и н г а у з е н

О, повторите! Заключен союз?

М е л ь х т а л ь

В один и тот же день должны подняться
Все три лесных кантона. Все готово.
И бережно хранится тайна всеми,
Хоть тысячам доверена она.
Уже стоят над пропастью тираны,
И дни их своеволия сочтены.
И скоро без следа они исчезнут.

А т т и н г а у з е н

А как же замки с крепкими стенами?

М е л ь х т а л ь

В одну и ту же ночь они падут.

А т т и н г а у з е н

А рыцари к союзу не примкнули?

Ш т а у ф ф а х е р

Мы ждем от них поддержки, но союзу

Пока одни крестьяне дали клятву.

А т т и н г а у з е н (медленно привстает
в величайшем удивлении)

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величию народы поведут.
(Кладет руки на голову стоящего
перед ним на коленях мальчика.)
От головы, где яблоко лежало,
Для вас свобода лучшая взойдет.
Уходит старое — не то уж время,
Среди развалин снова жизнь цветет.

Ш т а у ф ф а х е р (Вальтеру Фюрсту)

Каким огнем зажглись его глаза!
Не жизни гаснущей последний проблеск,
Но жизни новой это первый луч.

А т т и н г а у з е н

Вот едут рыцари из старых замков
Присягу дать на верность городам
И в Юхтланде и в Тургау — повсюду.
Подъемлет Берн державную главу,
И Фрейбург создает оплот свободы,
Прилежный Цюрих граждан снаряжает
В кровавый бой... И силы королей
О вековые стены разобьются...
(Продолжает, как ясновидящий,
все более и более вдохновляясь.)
Князей и рыцарей вдали я вижу.
Они идут, сверкая сталью лат,
Сломить отважных сыновей свободы —
Борьба на жизнь и смерть! Кровавой сечей
Здесь не одно прославится ущелье.
Вот, не щадя себя, с открытой грудью,
Крестьянин бросился на копий лес —
И брешь пробил — погиб дворянства цвет,
И стяг победы подняла свобода.
(Взяв за руки Фюрста и Штауффахера.)
Держитесь вместе... вечно, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един... един...
(Откидывается на подушки; но,
бездыханный, он еще держит их руки.)

Фюрст и Штауффахер некоторое время молча на него смотрят, затем скорбно отходят в сторону.

Тем временем тихо собираются слуги. Они подходят, безмолвно выражая, кто сдержаннее, а кто сильнее, свое горе; некоторые становятся возле умершего

на колени и плачут, склонившись над его рукой. В продолжение этой немой сцены звонит колокол замка.

Р у д е н ц (вбегая)

Он жив? Скажите, он меня услышит?

В а л ь т е р Ф ю р с т (отвернувшись, указывает на умершего)

Отныне вы — глава наш и защитник,
Другое имя носит этот замок.

Р у д е н ц (увидев покойника, останавливается в глубоком горе)

О Боже!.. Так раскаянье мое
На несколько мгновений запоздало
И радостью не будет для него?
Я пренебрег его благим советом,
Когда он жил... И вот его уж нет.
Ушел навек, на совести моей
Оставив неоплатный долг!.. Скажите,
Мой дядя умер в гневе на меня?

Ш т а у ф ф а х е р

Нет, перед смертью он о вас услышал...
Отвагу вашу он благословил!

Р у д е н ц (становится на колени возле покойника)

О доблестного рыцаря останки!
Священный прах! Даю тебе обет
Здесь, над твоей остывшею рукою:
Расторгнуты навек с врагами связи.
Я к моему народу возвратился
И навсегда — швейцарец всей душой!..
(Встает.)
Оплакивайте в нем отца и друга.
Но все ж, друзья мои, не унывайте!
Он не одни владенья мне оставил.
Нет, Руденц дух наследует его.
И юность бодрая исполнит долг,
Что хилой старости был не под силу...
Отец почтенный, дайте вашу руку!
И вы свою! Вы, Мельхталь, дайте вашу!
Сомненья прочь! Не отводите глаз.
Примите клятву и мои обеты!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Дадим барону руку. Сердцем он
Вернулся к нам.

М е л ь х т а л ь

Крестьян вы презирали.
Чего ж теперь от вас мы вправе ждать?

Р у д е н ц

О, заблужденья юноши забудьте!

Ш т а у ф ф а х е р (Мельхталю)

Единство — был умершего завет,
Не забывайте!

М е л ь х т а л ь

Вот моя рука!
Крестьянское рукопожатье стоит
Не меньше слова рыцаря. Притом —
Что вы без нас? И мы — древней дворян!

Р у д е н ц

Я чту крестьян. Мой меч — защита им.

М е л ь х т а л ь

Те руки, что природу покорили
И горы хлеб заставили родить,
Грудь защитить наверное сумеют.

Р у д е н ц

Вы будьте мне, я буду вам оплотом.
Союзом нашим будем мы сильны.
Но прочь слова, когда страна родная —
Добыча чужеземной тирании...
Сперва страну очистим от врага,
А после на досуге разберемся.
(Помолчав.)
Вам нечего ответить мне? Молчите?
Доверья я еще не заслужил?
Друзья, тогда я против вашей воли
Проникну в тайну вашего союза.
На Рютли были вы... и присягнули, —
Известно мне, что там произошло.
Я эту тайну, как залог священный,
Хранил, хоть мне ее не доверяли.
Нет, не был я врагом моей стране,
Ни разу я еще вам не вредил.
Но все ж, друзья, не надо мешкать вам.
Быстрее ударьте — гибельна отсрочка,
Тель первой жертвой промедленья стал...

Ш т а у ф ф а х е р

Мы дали клятву ждать до Рождества.

Р у д е н ц

Я не был там и клятвы не давал я.
Не вы, так я начну.

М е л ь х т а л ь

Как? Неужели...

Р у д е н ц

К старшинам вашим я теперь причислен,
И первый долг мой быть защитой вам.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Предать земле останки дорогие —
Ваш первый и священный долг пред всеми.

Р у д е н ц

Освободив страну, мы принесем
Венок победы на его могилу.
Друзья мои! Я не за вас одних
С тираном лютым насмерть буду биться —
И за себя!.. Узнайте же! Исчезла,
Похищена моя невеста Берта.
Еще одно совершено злодейство!

Ш т а у ф ф а х е р

Тиран дерзнул на произвол такой
И рыцарскую дочь посмел похитить?

Р у д е н ц

Я обещал вам помогать, друзья,
Но сам сперва о помощи молю.
Ах, у меня любимую отняли!
Кто знает, где она заточена?
Злодей любой ценой ее заставит,
Увы, с ним в ненавистный брак вступить!
О, помогите мне ее спасти!..
Ведь за любовь к стране она достойна,
Чтоб на ее защиту встали все...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что ж вы предпримете?

Р у д е н ц

Ах, я не знаю!
Сквозь этот мрак, который окружает
Ее судьбу, и сквозь сомненья, страхи,
Когда не знаешь, что же предпринять,
Одна лишь ясно проступает мысль:
Из-под обломков тирании лютой
На Божий свет мы Берту извлечем.
Коль крепости врага разрушим мы,
Дойдем, быть может, до ее тюрьмы.

М е л ь х т а л ь

Ведите нас! Мы все пойдем за вами.
Уже сегодня нам борьба по силам!
Телль на свободе был, когда клялись мы,
Еще не совершилось злодеянье.
Иное время — и закон иной.
Тот низкий трус, кто медлить будет доле!

Р у д е н ц (Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту)

Так за мечи, за копья, дело близко!
Огни уж скоро вспыхнут по горам.
Стремительнее вестового судна
Победы нашей весть примчится к вам.
Огней сигнальных будет цепь ярка!
Вы молнией на недруга ударьте
И сбросьте гнет тиранов — на века!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ущелье неподалеку от Кюснахта.
Сюда спускаются по тропинке между скал, и каждого путника, прежде нежели он
появится на авансцене, видно наверху. Скалы вокруг; одна из них, поросшая
кустарником, выдается вперед.

Т е л л ь (входит с самострелом)

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути... И здесь
Я все свершу... благоприятен случай.
Куст бузины меня надежно скроет,
Оттуда я стрелой тебя достану,
А для погони тесен этот путь.
Кончай скорей расчеты с небом, фохт!
Твой час настал. Ты должен умереть!
Я прежде жил спокойно и беззлобно,
Одних зверей стрелою поражал
И был далек от мыслей об убийстве...
Теперь ты мир моей души смутил,
И в яд змеиный превратил во мне
Ты молоко благочестивых мыслей.
Ты сам вложил мне в руки этот лук:
Кто в голову родного сына целил,
Сумеет в сердце поразить врага!
Детей невинных, верную жену
Я защищать от ярости твоей
Обязан, фохт!.. Когда рукой дрожащей...
Упорный лук натягивал я свой...
Когда меня ты с дьявольским злорадством
Стрелять в родного сына принуждал...
И тщетно умолял я о пощаде...
Тогда в душе я страшную дал клятву —
Ее лишь Бог слышал, — что первой целью
За этим выстрелом в дитя послужит
Мне грудь твоя... И тот обет священный,
Который лютой порожден был мукой,
Исполню я... Мой лук тому порукой.

Ты господин мой, ты имперский фохт;
Но разве мог себе сам император
Позволить столько?.. Он тебя послал,
Чтоб суд творить — пусть строгий, он разгневан, —
Но не над всеми злобно потешаться
И наносить преступные удары.
Есть Бог вверху для мщенья и для кары.
Лети же, смертоносная стрела,
Бесценное сокровище мое!
Вот цель тебе, что к просьбам и молениям
Была всегда глуха и недоступна...
Но пред тобой она не устоит...
Ты ж, крепкая, тугая тетива,
Так часто мне служившая на играх,
Не выдавай меня и в грозный час!
Мой верный друг, покорна будь усилью,
Ты часто окрыляла мне стрелу.
Без промаха единственной стрелой
Сразим врага — в колчане нет другой.

Путники проходят через сцену.

Присяду здесь, на каменной скале.
Тут путников короткий отдых ждет...
Их родина далёко... Все спешат,
Друг другу чуждые, никто не спросит,
Какое горе у тебя на сердце...
Проходит озабоченный купец,
И с легкою котомкой богомолец...
И набожный монах, а там еще
Разбойник мрачный иль дударь веселый;
Идет погонщик за своим конем,
Навьюченным дарами стран далеких...
Их всех сюда влекут свои дела,
Меня же мысль о крови привела!
(Садится.)
Бывало, как с охоты приходил
Отец ваш, дети, то-то был вам праздник!
Он каждый раз вам приносил домой
Диковинную птицу, иль цветок
С альпийских пастбищ, или самоцвет,
Какой в горах, случается, находят...
На промысел другой теперь он вышел:
Задумал он убийство на дороге —
И вот врага подстерегает здесь.
Но и теперь о вас тревога, дети...
Невинных, вас он хочет защитить:
Чтоб вы спаслись от мщения злодея,
В него стрелу он пустит, не жалея!
(Встает.)
Я крупного подстерегаю зверя...
Не унывая, день-деньской охотник
Скитается в горах в мороз трескучий,
И прыгает с утеса на утес,
И лезет вверх по страшной крутизне,
С истерзанными до крови руками...
А все, чтоб серну жалкую добыть.
Меня награда ждет куда ценней —
Здесь поражу смертельного врага.

Издали, все приближаясь, доносятся звуки веселой музыки.

Я никогда не расставался с луком,
Всю жизнь в стрельбе искусной упражнялся.
Без промаха в мишень я попадал,
И не один прекрасный дар за это
Я получал на наших состязаньях...
Но этот выстрел будет мастерской,
Я лучшую в горах возьму награду.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Через сцену вверх по дороге движется свадебная процессия. Телль смотрит на нее, опираясь на свой лук. Полевой сторож Штюсси подходит к нему.

Ш т ю с с и

Вот женится смотритель монастырских
Поместий; сам богатый человек —
Да, у него с десятков стад в горах!.. —
А взял невесту он из Имензее.
Пир в Кюснахте сегодня до утра.
Пойдем туда. Там рады всем гостям.

Т е л л ь

Нет, хмурый гость на свадьбе не у места.

Ш т ю с с и

Любую скорбь — скорей из сердца вон!
Сам знаешь, нынче времена лихие.
Лови, стрелок, веселье на лету.
Здесь — свадьба; там, быть может, — погребенье.

Т е л л ь

А иногда — то и другое рядом.

Ш т ю с с и

Да, всякое случается на свете.
Довольно бед кругом... Скала в Гларисе
Обрушилась, и оползень засыпал
Немалое пространство.

Т е л л ь

Значит, горы
И те не вечны? Все непрочно в мире.

Ш т ю с с и

А вот еще какой чудесный случай
Недавно мне рассказывал проезжий:
Поехал знатный рыцарь к королю.
И вот дорогой целый рой шершней
Напал на лошадь. Так ее заели,

Что наземь рухнула и околела.
А рыцарь к королю пешком прибрел.

Т е л л ь

И слабому дала природа жало.

Армгарда появляется с несколькими детьми и становится на дороге.

Ш т ю с с и

Все это, брат, беду сулит стране
И лютые, безумные злодейства.

Т е л л ь

Ужасные злодейства что ни день
Без знамений особых происходят.

Ш т ю с с и

Да, счастлив тот, кто мирно землю пашет
И безмятежно средь своих живет.

Т е л л ь

И смирному спокойно не прожить,
Коль он соседу злomu неугоден.
(С беспокойным ожиданьем то и
дело поглядывает вверх на дорогу
во время всего разговора.)

Ш т ю с с и

Прощай, брат... Вижу, ты кого-то ждешь.

Т е л л ь

Да, жду.

Ш т ю с с и

Ну, так счастливо возвратиться!
Ты, кажется, из Ури? Наш ландфохт
Прибыть сегодня должен был оттуда.

П у т н и к (мимоходом)

Не ждите нынче фохта. Реки вышли
От сильного дождя из берегов,
И все мосты снесло потоком бурным.

Телль встает.

А р м г а р д а (подойдя ближе)

Фохт не проедет мимо!

Ш т ю с с и

Ты к нему?

А р м г а р д а

О да, к нему!

Ш т ю с с и

Но отчего, скажи-ка,
Ты стала поперек его пути?

А р м г а р д а

Чтоб выслушал — тут некуда податься.

Ф р и с г а р д (быстро спускаясь
по дороге, кричит)

С дороги прочь! Мой господин ландфохт
За мною следом едет. Расступитесь!

Телль уходит.

А р м г а р д а (взволнованно)

Ландфохт к нам едет!
(Становится с детьми на авансцене.)

Геслер и Рудольф Гаррас, оба верхом, появляются вдали на взгорье.

Ш т ю с с и

Как вы добрались?
Ведь, говорят, мосты снесло водой.

Ф р и с г а р д

На озере мы с бурей схватились.
Потоки с гор теперь нам не страшны.

Ш т ю с с и

Вы были в лодке в такую бурю?

Ф р и с г а р д

Да, были. Век я это буду помнить.

Ш т ю с с и

Ах, расскажи нам!

Ф р и с г а р д

Нет, мне надо в замок —
Предупредить, что скоро будет фохт.

Ш т ю с с и

Будь в лодке люди честные — конечно,
Пошли б ко дну. Ну, а такой народ
В воде не тонет, не горит в огне.
(Оглядывается.)
Никак стрелка уже и след простыл?
(Уходит.)

Геслер и Рудольф Гаррас, верхом.

Г е с л е р

Я императору слуга, поймите,
И угождать ему во всем обязан.
Меня послал он не за тем, чтоб гладить
Народ по шерстке... Нет, повиновенья
Он ждет. Борьба идет за то, кто здесь
Хозяин: император иль крестьянин.

А р м г а р д а

Теперь пора! Я с ним заговорю!
(Робко приближается к ним.)

Г е с л е р

Не шутки ради я повесил шляпу,
Не для того, поверьте, чтобы этим
Испытывать народ, — его я знаю;
Но лишь затем, чтоб научить крестьян
Склонять свои упрямые затылки.
Препятствие на их пути обычном
Поставил я, чтоб, о него споткнувшись,
Припомнили они, кто господин их.
А то уж стали забывать его.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Но у народа есть свои права...

Г е с л е р

Да время ль нам теперь их разбирать?
Великие свершаются деянья.
Дом Габсбургов все крепнет. Сын закончит,
Что славно было начато отцом.
Народец этот нам преградой стал,
Но мы его заставим покориться.

Хотят ехать дальше.
Армгарда бросается перед Геслером на колени.

А р м г а р д а

О сжальтесь! Сжальтесь! Будьте милосердны!

Г е с л е р

Ну, не стоять тут поперек пути!

Прочь от меня!

А р м г а р д а

Мой муж сидит в темнице,
Голодные сироты плачут... Сжальтесь
Над тяжкою нуждою, господин!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Кто вы? Откуда? Кто ваш муж?

А р м г а р д а

Бедняк.
Он косит сено на отвесных склонах,
Над грозною подчас повиснув бездной,
Карабкаясь по скалам, где не может
Пастись привычный к горным кручам скот...

Р у д о л ь ф Г а р р а с (ландфохту)

О, как жалка жизнь этих горемык!
Верните ей хозяина и мужа!
Как ни была б тяжка его вина,
Он ремеслом своим уже наказан.
(Женщине.)
Наместник все рассудит по закону...
Придите с просьбой в замок... Здесь не место.

А р м г а р д а

Нет, шагу я не сделаю отсюда,
Пока мне мужа фохт не возвратит.
Полгода скоро он сидит в тюрьме
И приговора тщетно ожидает.

Г е с л е р

Ты заставляешь меня? Посторонись!

А р м г а р д а

Будь справедлив! Ведь ты судить обязан
Во имя императора и Бога.
Исполни долг! Коль милости ты ждешь
От Господа, то милость нам яви!

Г е с л е р

Прочь, дерзкая! Убрать ее с дороги!

А р м г а р д а (хватаясь за поводья)

Не отступлю! Мне нечего терять!
Остановись! Ни шагу дальше, фохт.
Сперва ты мне окажешь правосудье...
Выкатывай на лоб свои глаза...
Несчастьям нашим меры нет, и нас

Твой лютый гнев, ландфохт, не испугает...

Г е с л е р

Пусти иль затопчу тебя конем!

А р м г а р д а

Топчи! Вот, на...

(Хватает детей и бросается
с ними на землю.)

Дави меня с детьми...

Пусть кованым копытом их тела

Твой конь растопчет, не щади сирот!

Куда страшней ты совершал злодеяства...

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Безумная!

А р м г а р д а (вне себя)

Ведь ты уже давно

Страну, народ ногами попираешь!

О, если б я была мужчиной, фохт,

Я что-нибудь придумала б другое,

Чем здесь лежать во прахе...

Издали снова доносится свадебная музыка, но глуше.

Г е с л е р

Где же люди?

Гоните прочь ее, или, забывшись,

Я что-нибудь ужасное свершу.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Пройти сюда отряду невозможно —

Ему дорогу свадьба преградила.

Г е с л е р

Я, право, слишком мягкий властелин

Для этого народа... Языки

Дерзки у этих горцев непокорных.

Клянусь, что все пойдет теперь иначе:

О, я сломя их дерзкое упорство,

Я подавлю кичливый дух свободы!

Я новый возведу закон стране

И прикажу...

(Стрела пронзает его, он хватается

рукой за сердце и, качаясь в седле,

произносит слабым голосом.)

Умилосердись, Боже!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Что за напасть... Откуда? Что такое?

А р м г а р д а (вскакивая)

Он падает! Убит! Сражен стрелой!
Она ландфохту в сердце угодила!

Р у д о л ь ф Г а р р а с (соскакивает с лошади)

О ужас!.. Боже!.. Господин ландфохт...
Взовите к милосердию небес!..
Вы при смерти!..

Г е с л е р

О, это выстрел Телля...
(Соскальзывает с лошади на руки
Рудольфу Гаррасу, который кладет
его на скамью.)

Т е л л ь
(появляясь вверху, на вершине скалы)

Узнал стрелка — другого не ищи!
Свобода — хижинам и мир — невинным!
Моей отчизне ты теперь не страшен!
(Исчезает за скалой.)

На сцену врывается народ.

Ш т ю с с и (впереди)

Что здесь такое? Что произошло?

А р м г а р д а

Ландфохт убит стрелой.

Н а р о д (сбегаясь)

Кто, кто убит?

Меж тем как передние из свадебного поезда выходят на сцену,
задние находятся еще на взгорье, и музыка продолжается.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Он кровью изойдет! Сюда, на помощь!
Преследуйте убийцу, да скорей!
Несчастный, ты дождался, вот конец твой;
Не слушался ты моего совета!

Ш т ю с с и

О Боже! Как он бледен, неподвижен!

Г о л о с а

Чьей он казнен рукой?

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Эй, там, уймись!
Убийство здесь, а музыка ликует!

Музыка внезапно прекращается. Народ все прибывает.

Ландфохт, ответьте мне, когда вы в силах:
Вам нечего доверить мне?

Геслер делает знак рукой и с досадой повторяет его, видя,
что жест остался непонятым.

Куда?
Что, в Кюснахт?.. Я не понял вас... Ландфохт,
Не будьте так нетерпеливы... Надо,
Забыв земное, с небом примириться!

Весь свадебный поезд в ужасе окружает умирающего.

Ш т ю с с и

Он все бледней... Смерть... к сердцу подступила...
А вот уже он и глаза закрыл.

А р м г а р д а (поднимая ребенка)

Смотри, дитя, как умирает изверг!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

О женщины безумные! Неужто
В вас сердца нет, что зрелище такое
Для вас потеха? И никто не хочет...
Да помогите ж выдернуть стрелу!

Ж е н щ и н ы (отступая)

Спасать того, кого Господь сразил?!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Так будьте же вы прокляты!
(Хватается за меч.)

Ш т ю с с и (удерживает его руку)

Не смейте!
Господству вашему конец. Убит
Тиран страны. Мы больше не потерпим
Насилья над собой. Свободны мы.

В с е (шумно)

Страна свободна!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Вот вы как! Уже?
Так скоро всякий страх у вас пропал?
(Подошедшим оруженосцам.)
Вы видите, тут страшное убийство
Совершено... И тщетна наша помощь...
Преследовать убийцу бесполезно.
Другие впереди у нас заботы.
Скорее в Кюснахт! Замок этот крепкий
Спасти для императора нам надо.
Распались узы долга и порядка,
И никому довериться нельзя.
(Удаляется с оруженосцами.)

Входят шесть монахов — братьев милосердия.

А р м г а р д а

Вот братья милосердия идут!

Ш т ю с с и

Была бы жертва — ворон тут как тут.

Б р а т ь я м и л о с е р д и я
(становятся полукругом возле
покойника и поют глухими голосами)

Внезапно может смерть прийти,
Ей не указан день и час.
Она сразит на полпути:
Ты в цвете сил — и вот угас.
Готов ты умереть иль нет —
Дай высшему судье ответ!

При повторении последних стихов занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь в Альторфе.

В глубине, направо, стоит крепость «Иго Ури» с еще не убранными лесами, как в третьей сцене первого действия. Налево тянется цепь гор, на которых пылают сигнальные огни.

Рассвет. Издалека с разных сторон доносится звон колоколов.

Руоди, Куони, Верни, мастер-каменотес и множество других поселян, женщины и дети.

Р у о д и

Вы видите — костры зажглись в горах?

К а м е н о т е с

А слышите — набат гудит за лесом?

Р у о д и

Враг побежден.

К а м е н о т е с

И пали замки фохтов.

Р у о д и

Ужели здесь, средь гор лесистых Ури,
Потерпим мы насилия оплот?
Нам позже всех провозгласить свободу?

К а м е н о т е с

Позволить Игу здесь стоять угрозой?
Ломай, круши!

В с е

Круши! Ломай! Круши!

Р у о д и

Где наш трубач?

Т р у б а ч У р и

Я здесь. Зачем я нужен?

Р у о д и

На башню подымись да затруби
В свой звонкий рог, чтоб далеко в горах
Отдался звук тысячеустым эхом
И чтоб скорее на призыв могучий
Народ из Ури шел!

Трубач Ури уходит. Появляется Вальтер Фюрст.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Друзья! Постойте!
Вестей из Унтервальдена и Швица
Все нет как нет. Сперва гонцов оттуда
Нам надо подождать.

Р у о д и

Как подождать?
Тиран убит, забрезжил день свободы.

К а м е н о т е с

Гонцов? А вы не видите? Кругом
В горах костры сигнальные пылают!

Р у о д и

Сюда, сюда! За дело всем народом!
Долой леса! Обрушим своды, стены!
Мы камня тут на камне не оставим!

К а м е н о т е с

Эй, подмастерья! Замок мы воздвигли,
Сумеем и разрушить.

В с е

Бей, круши!
(Бросаются со всех сторон
на недостроенную крепость.)

В а л ь т е р Ф ю р с т

Пошло! Теперь ничем их не удержишь.

Входят Мельхталь и Баумгартен.

М е л ь х т а л ь

Как, замок цел? Когда уже весь Сарнен
Испепелен и крепкий Росберг пал?

В а л ь т е р Ф ю р с т (Мельхталю)

Вы с чем пришли?.. Свобода или рабство?
Что, от врага очищена страна?

М е л ь х т а л ь (обнимая его)

Очищена. Порадуйтесь, отец!
Свободны мы. Теперь уже нигде
В Швейцарии тиранов не осталось.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Как удалось вам замки захватить?

М е л ь х т а л ь

С отчаянной отвагой Ульрих Руденц
Взял замок Сарнен приступом внезапным.
В ночь перед этим в Росберг я проник.
Но слушайте, друзья! Когда мы замок,
Очистив от врага, зажгли и пламя,
Треща, взвилось столбом под небеса,
Вбежал Дитгельм, паж Геслера, и крикнул,
Что Берта Брунек заживо сгорит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

О Боже!

Слышно, как рухнули леса постройки.

М е л ь х т а л ь

Тайным повеленьем фохта
Она была заточена в темницу.
Не взвидя света, Руденц тут вскочил!
Уже трещали балки и стропила,
И к нам из клубов дыма долетал
Несчастной жертвы вопль.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Ее спасли?

М е л ь х т а л ь

Спасли могли решимость, быстрота!
И будь он только нашим дворянином,
Пожалуй, мы б задумались. Но Руденц
Союзник наш, а Берта чтит народ...
И потому мы жизнью вновь рискнули
И кинулись в огонь ее спасать.

В а л ь т е р Ф ю р с т

И что ж, спасли?

М е л ь х т а л ь

Спасли. Ее мы оба
Стремительно сквозь пламя пронесли, —
За нами тут же рухнули стропила.
Но вот, когда она, придя в себя,
Свои глаза сиянью дня открыла,
Барон меня в объятьях сжал. Так был
Безмолвной клятвой закреплен союз,
И он, в огне пожара закаленный,
Любой удар судьбы перенесет...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Где ж Ланденбергер?

М е л ь х т а л ь

Он за рубежом.
Не я виной, что тот свет солнца видит,
Кем мой отец был зверски ослеплен.
Я вслед за ним погнался — и настиг,
К ногам отца я в прах поверг злодея
И острый меч над ним уже занес,
Но милосердию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощаду.
Он дал зарок сюда не возвращаться —
И не нарушит клятву. На себе
Узнал он силу наших рук.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Хвала вам,

Что вы победу кровью не пятнали!

Д е т и
(пробегаая по сцене с обломками лесов)

Свобода!.. Воля!..

Раздаются могучие звуки рога Ури.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Праздник-то какой!
О нем вовек и дети не забудут.

Девушки несут шляпу на шесте. Вся сцена заполняется народом.

Р у о д и

Вот шляпа — чтить ее нас принуждали.

Б а у м г а р т е н

Решайте, как нам с нею поступить.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Ах, Господи! Под ней стоял мой внук!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

Топчите, рвите памятник насилья!
В огонь ее!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, лучше сохраним!
Она была орудьем тирании,
Теперь она — свободы нашей знак!

Поселяне, поселанки и дети, кто сидя, а кто стоя на обломках рухнувших лесов,
образуют большой живописный полукруг.

М е л ь х т а л ь

Союзники! Как радостно стоять
Здесь, на обломках павшей тирании!
Все свершено, в чем мы клялись на Рютли.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Начало это, но не завершенье.
О, нам нужны отвага и сплоченность!
Поверьте, император не замедлит
Начать войну, чтоб отомстить за фохта
И силой к нам всех изгнанных вернуть.

М е л ь х т а л ь

Ну что ж, пусть он ведет свои войска!
Внутри страны врага мы победили —
И внешнего сумеем отразить.

Р у о д и

Не много к нам ведет проходов горных,
Их защищать мы будем нашей грудью.

Б а у м г а р т е н

Союз наш вечен, непоколебим,
Нас полчища врага не устршат!

Входят Рёссельман и Штауффахер.

Р ё с с е л ь м а н (входя)

О грозный суд разгневанных небес!

П о с е л я н е

Что, что такое?

Р ё с с е л ь м а н

Дожили, вот время!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но что случилось?.. Вернер, что такое?

П о с е л я н е

Что за напасть?..

Р ё с с е л ь м а н

О Боже, что творится!

Ш т а у ф ф а х е р

Избавлены мы от большой угрозы...

Р ё с с е л ь м а н

Убит наш император!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Боже правый!

Поселяне вскакивают со своих мест и окружают Штауффахера.

В с е

Убит! Что?.. Император!.. Император!..

М е л ь х т а л ь

Да как же так? Откуда эти вести?

Ш т а у ф ф а х е р

Сомнений нет. Под Бруком Альбрехт пал
От рук убийц... Нам эту весть принес
Правдолюбивый Иоганнес Мюллер.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но кто виновник страшного злодейства?

Ш т а у ф ф а х е р

Оно еще ужасней оттого,
Что совершил его родной племянник,
Сын брата, швабский герцог Иоганн.

М е л ь х т а л ь

А что его толкнуло на злодейство,
Отцеубийству равное?

Ш т а у ф ф а х е р

Наследства
Племяннику не отдал император
И будто бы хотел совсем отнять
Его владенья, дав ему взамен
Епископство. Но юный герцог внял
Товарищей своих совету злomu
И вместе с Вартом, Пальмом, Эшенбахом
И Тегерфельдом порешил на том,
Что раз ему отказано в правах,
То собственной рукой он отомстит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но как свершилось это злодеянье?

Ш т а у ф ф а х е р

В свою столицу ехал император
Из Бадена со свитою блестящей,
В которой сын его был Леопольд
И герцог Иоганн. Когда ж до Ройса
Доехали, то сразу к переправе,
Всех оттеснив, убийцы поскакали
И вместе с императором поплыли.
Потом верхом поехал государь
По полю, где огромный древний город
Был, говорят, в языческое время...
И на виду у Габсбургского замка —
Австрийский дом свой род ведет оттуда —
Сам герцог Иоганн ему нанес
Удар кинжалом в горло, а фон Пальм
Его пронзил копьем на всем скаку,
А череп Эшенбах рассек мечом.

И рухнул Альбрехт, весь в крови, сраженный
Своими на земле своих отцов.
А свита, отделенная рекою,
Беспомощно глядела на расправу
И только воздух воплем оглашала.
И на руках у нищенки бездомной
Весь кровью император изошел.

М е л ь х т а л ь

Вот как пришлось владыке умереть,
Что жадно всем стремился завладеть!

Ш т а у ф ф а х е р

Безмерный ужас охватил страну.
Везде в горах завалены проходы,
Вблизи границ все насторожены.
И затворил ворота древний Цюрих,
Хоть тридцать лет он их не затворял.
Убийц бояться, мстителей — подавно.
Уже идет с войсками королева
Венгерская — суровая Агнеса.
Всегда ей кротость женская чужда.
Она проклятья шлет и отомстить
За царственную кровь отца клянется
Преступникам, их роду, детям, внукам,
И слугам их, и даже камням замков.
Она грозит, что целые семейства
В отцовскую могилу сбросит, кровью
Омоется, как майскою росой.

М е л ь х т а л ь

Известно ль вам, куда убийцы скрылись?

Ш т а у ф ф а х е р

Все пятеро сообщников бежали,
Свершив убийство, в пять концов различных,
Чтоб никогда не встретиться... Как слышно,
В горах у нас блуждает Иоганн.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так не дало им проку злодеянье!
Бесплодна месть — она убийства жаждет,
Убийством насладится, а затем
В отчаянье бездонном захлебнется.

Ш т а у ф ф а х е р

Убийцам пользы нет от преступленья.
Но мы рукою чистой соберем
Кровавого злодейства плод благой.
Мы от большой избавлены угрозы:
Свободы самый грозный враг — в могиле.
И будто бы другому дому скипетр,
Не Габсбургам, достанется. Желает

Империя свободно избирать.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что ж вы слышали?

Ш т а у ф ф а х е р

Большинством намечен,
Как говорят, граф Генрих Люксембург.

В а л ь т е р Ф ю р с т

С империей не порывали мы,
И благо нам — теперь добьемся правды!

Ш т а у ф ф а х е р

В друзьях нуждаясь, новый император
Защитой против Австрии нам будет.

Все бросаются в объятия друг другу.
Входит Петерман с имперским гонцом.

П е т е р м а н

Вот старшины почтенные.

Р ё с с е л ь м а н и д р у г и е (Петерману)

Вы с чем?

П е т е р м а н

Гонец имперский с грамотою прибыл.

В с е (Вальтеру Фюрсту)

Читайте вы!

В а л ь т е р Ф ю р с т (читает)

«Всем гражданам любезным
Трех стран лесных дарует королева
Елизавета милости и блага».

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

Что нужно ей? Здесь нет ее владений.

В а л ь т е р Ф ю р с т (читает)

«В великой скорби и печали вдовьей,
В которую повергнута она
Кровавою кончиною супруга,
Любовь и верность помнит королева».

М е л ь х т а л ь

А счастлива была — не вспоминала.

Р ё с с е л ь м а н

Дослушаем! Поттише!

В а л ь т е р Ф ю р с т (читает)

«И думает, что преданный народ
Со справедливым омерзеньем встретит
Злодеев окаянных. Посему
Ждет королева, что в лесных кантонах
Им, извергам, никто не даст приюта,
А что усердно будут помогать
Их изловить и выдать для отмщенья,
Любовь и милость памятуя, кои
Здесь Рудольфа державный дом явил».

Знаки недовольства среди поселян.

М н о г и е г о л о с а

Любовь и милость!

Ш т а у ф ф а х е р

Нам милости оказывал отец,
Но можно ли сыновними хвалиться?
Он разве наши льготы подтвердил,
Как всякий император до него?
Творил ли он над нами правый суд?
Давал ли невинному защиту?
И принял ли послов от наших стран,
Когда мы их в тревоге снарядили?
Нет, Альбрехт ничего для нас не сделал.
И если б мы могучею рукою
Не защитили наших прав, его
Не тронули б вовек несчастья наши...
За что ж благодарить? Он не посеял
Тут благодарности, хоть мог бы стать
Отцом любимым всех своих народов.
Лишь о своих он проявлял заботы,
Они пусть плачут, — нет у нас охоты!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы радоваться гибели его
И лихом ныне поминать не будем.
Избави Бог от этого! Но мстить
За смерть того, кто нам добра не делал,
И тем вредить, кто зла не причинил нам,
Не подобает нам и не пристало.
О нет, любить нельзя по принуждению!
Смерть этот долг насильственный сняла,
Мы с Альбрехтом покончили дела.

М е л ь х т а л ь

Пусть во дворце вдова его рыдает

И горькие стенанья к небу шлет.
Вы видите — народ без страха дышит.
Хвала Творцу, что миновали грозы!
Посей любовь — пожнешь участия слезы.

Имперский гонец уходит.

Ш т а у ф ф а х е р (народу)

Но где же Телль? Как, все еще не видно
Свободы нашей смелого творца?
Он больше всех свершил и настрадался.
Пойдем с приветом от всего народа
К тому, с кем завоевана свобода!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сени в доме Телля. В очаге горит огонь. В распахнутые двери видны окрестности.
Гедвига, Вальтер и Вильгельм.

Г е д в и г а

Отец домой придет сегодня, дети!
Он жив! Свободен! Все кругом свободны!
Отец ваш, знайте, родины спаситель.

В а л ь т е р

И я при этом был не из последних!
Не забывай, отцовская стрела
Грозилась смертью мне, но я не дрогнул.

Г е д в и г а (обнимая его)

Да, да, ты небом снова мне дарован!
Тебя я в муках дважды породила!
Ты мною дважды выстрадан, мой сын!
Но все прошло... Мои вы оба, оба!
Сегодня возвращается отец!

На пороге появляется монах.

В и л ь г е л ь м

Мать, погляди: вот набожный монах,
Сейчас начнет молить о подаянье.

Г е д в и г а

Веди его с дороги подкрепиться.
Пусть чувствует, что в нашем доме радость.
(Уходит и вскоре возвращается с кубком.)

В и л ь г е л ь м (монаху)

Войдите. Мать зовет вас отдохнуть.

В а л ь т е р

И, подкрепясь, пойдете снова дальше!

М о н а х

(робко озираясь, с расстроенным
выражением лица)

Где я? В какой, скажите мне, стране?

В а л ь т е р

Не знаете? Вы, видно, заблудились.
Вы в Вюрглене, в лесном кантоне Ури,
Рукой подать до Шехенской долины.

М о н а х (возвращающейся Гедвиге)

Одна ли вы? Иль ваш хозяин дома?

Г е д в и г а

Я жду его как раз... Что это с вами?
Недоброе задумали вы что-то.
Но все равно, берите, вы в нужде.
(Подает ему кубок.)

М о н а х

Как сердце истомленное ни жаждет,
Я не притронусь, обещайте мне...

Г е д в и г а

Я вас прошу ко мне не прикасаться,
Не подходить, а то не буду слушать!

М о н а х

Клянусь гостеприимным очагом
И вашими детьми, которых я
Так рад обнять...
(Хватает мальчиков.)

Г е д в и г а

Да это что же? Прочь,
Прочь от моих детей!.. Вы не монахи!
Мир должен жить в монашеской одежде,
Но мира нет у вас в чертах лица.

М о н а х

Я человек несчастнейший на свете!

Г е д в и г а

Несчастья голос тотчас внятен сердцу,
Но молкнет все в душе под вашим взглядом.

В а л ь т е р (подпрыгивая)

Ах, наш отец!
(Убегает.)

Г е д в и г а

О Боже мой!
(Хочет идти, но начинает
дрожать и останавливается.)

В и л ь г е л ь м (бежит следом)

Отец!

В а л ь т е р (за сценой)

Ты снова дома!

В и л ь г е л ь м

Ах, отец наш милый!

Т е л ь (за сценой)

Да, вот и я... Но, дети, где же мать?
(Входит.)

В а л ь т е р

Вон у дверей. Сойти не может с места
И вся дрожит от радости и страха!

Т е л ь

О Гедвига! О мать моих детей!
Бог нам помог — тиран нас не разлучит.

Г е д в и г а (обнимая его)

Мой Телль! Как я страдала за тебя!

Монах прислушивается.

Т е л ь

Ликуй, жена, забудь свои страдания!
Мы вместе вновь! Вот хижина моя!
И на своей земле стою я твердо.

В и л ь г е л ь м

Куда же ты, отец, девал свой лук?
Его не вижу я.

Т е л ь

И не увидишь.
Повешен он в обители святой
И на охоте больше не послужит.

Г е д в и г а

Мой Телль!
(Отступает, вырывая свою руку.)

Т е л л ь

Чего ты, радость, испугалась?

Г е д в и г а

Ты кто... ты кто теперь? Твоей руки
Могу ль коснуться?.. Той руки... О Боже!

Т е л л ь (от всего сердца, мужественно)

Она стране и вам была защитой;
Я к небу смело подыму ее.

Монах делает резкое движение. Телль замечает монаха.

Кто этот брат?

Г е д в и г а

Да, я о нем забыла!
Мне жутко с ним, ты расспроси его.

М о н а х (подходит ближе)

Итак, вы — Телль, наместника сразивший?

Т е л л ь

Да, не таясь ни перед кем, — он самый.

М о н а х

Телль предо мной! Всевышнего рукою
Под вашу крышу я был приведен.

Т е л л ь (окидывая его взглядом)

Вы не монах! Но кто же?

М о н а х

Вы сразили
Ландфохта, причинившего вам зло...
И я врага убил, — он на мои
Права смел посягнуть... Он общий враг наш.
Я от него ваш край освободил.

Т е л л ь (отпрянув назад)

Так вы... о ужас! Дети, уходите!
Ступай, жена! Иди, иди!.. Несчастный!
Вы тот...

Г е д в и г а

О Боже, кто?

Т е л л ь

Молчи, жена!
Прочь, прочь с детьми! Пускай они не слышат.
Ступайте же отсюда... Вам нельзя
Под крышею одной с ним находиться.

Г е д в и г а

Беда какая! Что ж, пойдем!
(Уходит с детьми.)

Т е л л ь (монаху)

Вы герцог
Австрийский... Да, не отпирайтесь! Вами
Был государь, ваш дядя, умерщвлен...

И о г а н н П а р р и ц и д а

Моих земель грабитель.

Т е л л ь

Он ваш дядя,
Ваш император был! И как вас терпит
Земля! И солнце как еще вам светит!

П а р р и ц и д а

Телль, выслушайте прежде...

Т е л л ь

Ты посмел,
Отцеубийца и цареубийца,
Запятнан кровью, в честный дом явиться?
Войти с лицом открытым к добрым людям
И здесь на право гостя притязать?

П а р р и ц и д а

Я думал милосердье тут найти:
Врагу и вы отмстили.

Т е л л ь

О несчастный!
Так ты посмел корыстное убийство
Равнять с самозащитою отца?

Ты разве сына голову спасал?
Ты встал за святость очага? И близких
Ты оградил от страшного конца?..
Я чистые подьемлю к небу руки,
Тебя, твое злодейство проклиная...
Я за святую отомстил природу,
А ты попрал ее... тут связи нет:
Злодейство и — святейших прав защита!

П а р р и ц и д а

Вы гоните без слова утешенья?

Т е л л ь

Я в ужасе, что говорю с тобой.
Ступай свою страшную дорогой!
Не оскверняй обители невинных!

П а р р и ц и д а (направляясь к выходу)

Я не могу, так я не в силах жить!

Т е л л ь

И все ж тебя мне жаль... О Боже правый!
Так молод, отпрыск царственного рода,
Внук Рудольфа, и вдруг — убийца беглый! —
Отчаявшись, ты молишь о спасенье
У моего убогого порога!..
(Закрывает лицо.)

П а р р и ц и д а

О, если вы способны плакать, тронет
Вас жребий мой злосчастный... Да, я герцог...
Я был им... Как я счастлив мог бы быть,
Смирив нетерпеливые желанья!
Но зависть ум мутила... Мой ровесник,
Двоюродный брат Леопольд, увенчан
Был почестями, управлял страной.
А в это время мной так помыкали,
Как будто я подростком был незрелым...

Т е л л ь

Да, знал тебя твой дядя, император,
Когда страну не дал управлять!
Ты изуверским, страшным преступленьем
Сам подтвердил, как прав он был тогда...
А где теперь сообщники злодейства?

П а р р и ц и д а

Бежали, мщенья духами гонимы.
Со дня того я не видал их боле.

Т е л л ь

Ты вне закона, знаешь? Друг не вправе
Тебе помочь, а враг — все вправе сделать.

П а р р и ц и д а

И потому дорог я избегаю,
Я в хижину не смею постучаться —
И дикими, пустынными местами
Бегу вслепую через эти горы.
Я содрогаюсь сам перед собой,
В ручье поймав свой злополучный облик.
О, сжальтесь, Телль! О, будьте человечны!..
(Падает перед ним на колени.)

Т е л л ь (отворачиваясь)

Встаньте! Встаньте!

П а р р и ц и д а

Нет, прежде руку помощи подайте.

Т е л л ь

Как вам помочь? Что вам людская помощь?
Но встаньте... Пусть ужасно преступленье —
Вы человек... Я тоже человек.
Телль безутешного не оттолкнет.
Что в силах сделать — сделает он.

П а р р и ц и д а
(подбежав, хватая Телля за руку)

Телль!
Вы душу от отчаянья спасете.

Т е л л ь

Да отпустите руку!.. Вам пора.
Тут скрыться невозможно, вас настигнут.
Надеяться нельзя вам на защиту...
Где вы приют найдете?

П а р р и ц и д а

Ах, не знаю.

Т е л л ь

Господь внушил мне вот какую мысль:
В Италию спешите, к папе, в Рим!
И там, у ног святейшего отца,
Томящуюся душу успокойте.

П а р р и ц и д а

А если он предаст меня врагу?

Т е л л ь

Что сделает — примите, как от Бога!

П а р р и ц и д а

Но как пройти мне в незнакомый край?
Дороги я не знаю, и нельзя мне
Попутчиком к паломникам пристать.

Т е л л ь

Я расскажу вам путь, запоминайте.
Идите вверх и вверх навстречу Ройсу,
Что мчится с гор потоком разъяренным.

П а р р и ц и д а (с испугом)

Увидеть Ройс! Как в тот злосчастный день!

Т е л л ь

Над пропастью тропа идет, крестами
Означенная в память о погибших,
Кто заживо тут погребен лавиной.

П а р р и ц и д а

Мне ужасы природы не страшны,
Когда я муки сердца обуздаю.

Т е л л ь

Вы у подножья каждого креста
Молитесь со слезами покаянья.
И, счастливо пройдя дорогой грозной, —
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,
Не похоронит снежная лавина, —
Увидите весь в брызгах пены мост.
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не рухнет в бездну,
То мрачные скалистые ворота
Вам попадутся на пути. А дальше
Откроется веселая долина.
Но поскорее проходите мимо, —
Где мир царит, нельзя вам долго быть.

П а р р и ц и д а

О Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок!
Так бродит внук твой по твоей земле!

Т е л л ь

Идя все вверх, придете к Сен-Готарду.
Там вечные на высях есть озера;
Они струями чистыми с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землю нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток...

Слышатся звуки швейцарской пастушеской песни, исполняемой множеством альпийских рожков.

Чу! Голоса слышны. Прочь!

Г е д в и г а (вбегая)

Где ты, Телль?

Отец идет, а с ним толпа народа
Из Ури, Унтервальдена и Швица.

П а р р и ц и д а (закрывает лицо руками)

Среди счастливых — лишний я один!

Т е л л ь

Жена моя, ступай и подкрепиться
Дай страннику и щедро надели
Дарами в путь далекий и пустынный.
Спеши! Идут.

Г е д в и г а

Но кто он?

Т е л л ь

Все равно!
А выйдет из дому, ты отвернись,
Чтобы глаза про путь его не знали!

Паррицида стремительно подходит к Теллю, но тот останавливает его движением руки и уходит.

После того как они разошлись в разные стороны, сцена меняется.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

В долине перед домом Телля и на возвышенностях, которые замыкают ее, стоят живописными группами поселяне. Другие еще подходят по высокой тропе вдоль берега Шехена. Вальтер Фюрст с обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахер идут впереди, другие теснятся за ними. Когда выходит Телль, все встречают его радостными кликами.

В с е

Да здравствует наш Телль, наш избавитель!

Пока передние толпятся вокруг Телля и обнимают его, появляются Руденц и Берта. Руденц обнимает поселян, Берта — Гедвигу. Во время этой немой сцены на горе играет музыка. Когда она умолкает, Берта выходит на середину круга.

Б е р т а

Друзья мои! Сограждане! Примите
Меня в свой круг. Я первая защиту
Нашла в стране свободы — и я вам
Свои права вверяю. Защищать

Вы будете меня, свою гражданку?

П о с е л я н е

Мы кровью защитим тебя!

Б е р т а

Спасибо.
Теперь я руку отдаю ему,
Свободному — свободная швейцарка!

Р у д е н ц

Свободу я даю всем крепостным.

В с е (кричат; музыка возобновляется)

Свобода! Свобода! Свобода!

Под звуки музыки занавес падает.